

V'K-14038

П297281

ВЕСТНИК

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 170

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

Выпуск 11

1 р. 10 к.

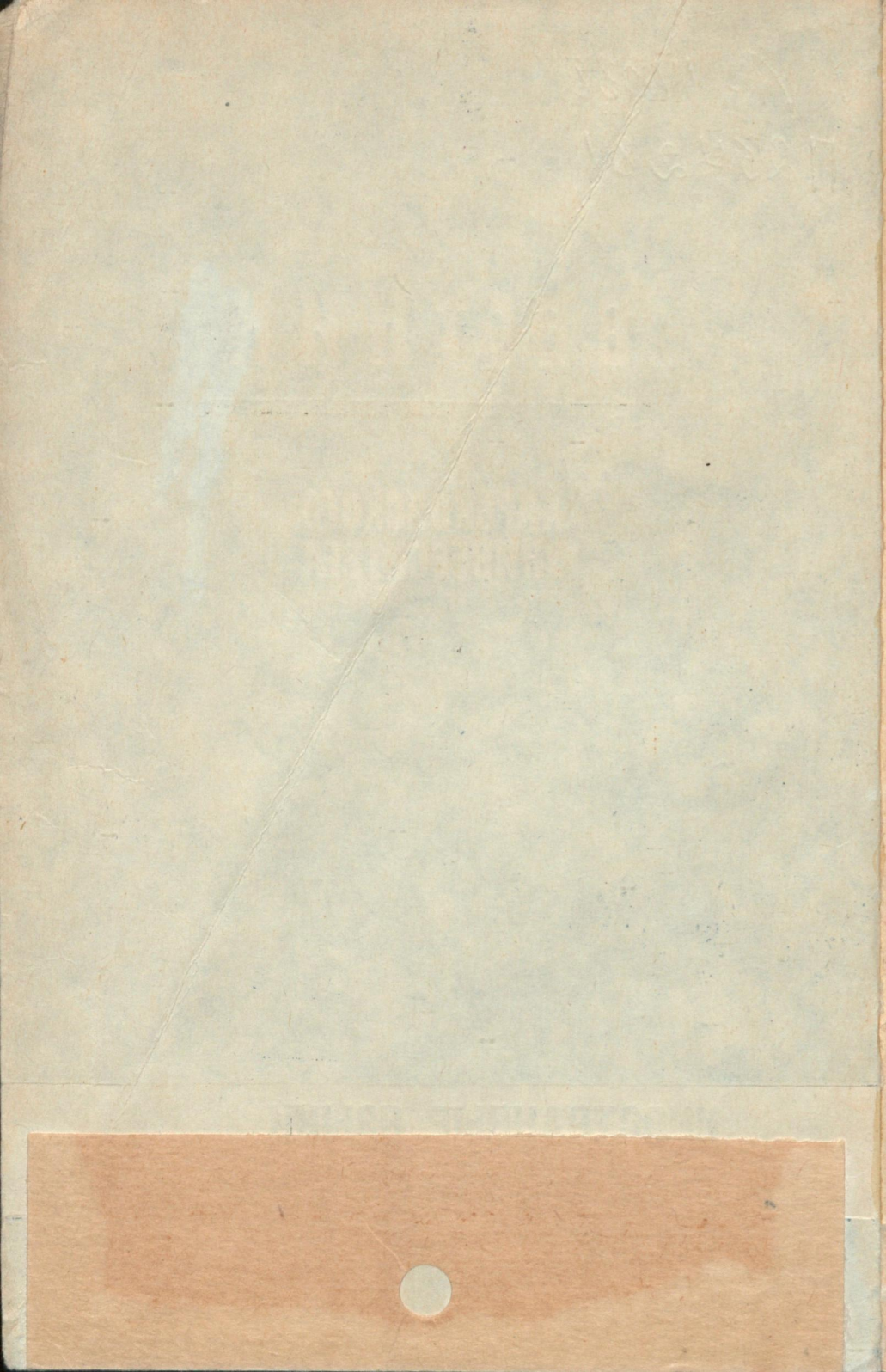
Вестник Харьковского университета, 1978, № 170, 1—105

V.N. Karazin Kharkiv National University

00281929

3

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

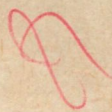
№ 170

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

ВЫПУСК 11

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВИЩА ШКОЛА»

1978

4И (Англ) (07)

Иностранные языки, вып. 11. Вестн. Харьк. ун-та, № 170. Харьков, издательское объединение «Вища школа», 1978. 105 с. Списки лит. в конце статей.

Статьи, включенные в вестник, являются результатом исследований, проведенных с использованием традиционных методов, структурно-вероятностного анализа и экспериментов в преподавании английского языка в средней школе. Освещается широкий круг актуальных проблем и методики преподавания иностранных языков.

Вестник рассчитан на специалистов.

Редакционная коллегия: Ю. М. Ткаченко (отв. ред.), О. А. Рассказова (отв. секр.), В. И. Безуглый, Г. В. Ейгер, Ю. Ф. Ещенко, А. С. Калинин, В. И. Каравашкин, С. Т. Навальная.

Печатается по решению Ученого совета факультета иностранных языков от 17 декабря 1976 г.

Адрес редакционной коллегии:

310077, Харьков, пл. Дзержинского, 4, университет, факультет иностранных языков, тел. 40-14-04.

Редакция гуманитарной литературы

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 170

**Иностранные языки
Выпуск 11**

Редакторы *В. Н. Забелин, А. Ф. Балабуха*
Художественный редактор *А. С. Романова*
Технический редактор *Г. П. Александрова*
Корректоры *А. В. Евлахова, Н. С. Калинина*

Информ. бланк № 2962

Сдано в набор 14.02.78. Подписано в печать 16.05.78. БЦ 09179. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типогр. № 2. Лит. гарн. Выс. печать. 6,5 усл. печ. л. 7,9 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз. Изд. № 518. Зак. № 8-59. Цена 1 р. 10 коп.

Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 310003, Харьков-3, Университетская, 16.

Отпечатано с матриц книжной фабрики им. М. В. Фрунзе Республиканского производственного объединения «Полиграфкига» Госкомиздата УССР, Харьков. Донец-Захаржевская, 6/8 в Харьковской городской типографии № 16. Харьков-3, Университетская, 16. Зак. 1018.

© Харьковский государственный университет, 1978

Н. В. АКСЕНОВА, В. И. БЕЗУГЛЫЙ, канд. психол. наук

ПРОГРАММИРОВАННЫЕ УПРАЖНЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

На начальном этапе обучения иноязычной речи переход от внутренней программы к высказыванию на иностранном языке осуществляется через посредство родного языка. Задача учителя — максимально сократить этот промежуточный период, приблизить психологическую структуру иноязычного высказывания к структуре в родной речи [см. 5]. Успешному решению этой задачи способствуют программированные упражнения.

Основные принципы программирования — деление материала на небольшие порции (шаги), обеспечение однозначности реакции на стимулы, подкрепление реакций ключами для самоконтроля и коррекции и т. д. — позволяют управлять мыслительной деятельностью учащихся в процессе порождения высказывания.

При составлении программированных упражнений необходимо учитывать психолингвистические факторы, которые обуславливают формирование речевого намерения и его внешнюю лингвистическую реализацию [см. 7].

Чтобы приблизить вероятность запланированной реакции учащихся к единице и таким образом повысить эффективность грамматических упражнений с элементами программирования, используют различные приемы. В инструкции следует указывать цель речевого действия учащегося (например: «Объясните, почему....», «Определите, каким образом...»). Это будет ориентировать его, побуждать к высказыванию, вызывать мотивацию, речевое намерение.

Instruction. Explain how you have come to know these facts. Give the reasons.

St. (stimulus). I know that this book is good.

Resp. (response). I know that this book is good because I've read it.

St. I know that this song is beautiful because (verbal prompt)...

Характер связи между стимулом и реакцией должен, по возможности, имитировать реально существующие связи и отношения с тем, чтобы учащиеся могли использовать данные своего вероятностного прогнозирования [см. 8, с. 3].

Instruction. Imagine that you are at the lesson now. Say what you'll do if...

St. the teacher calls on you.

Resp. I shall stand up and answer.

St. you want to answer or to ask something.

Resp. I shall raise my hand.

Речевой контекст стимулов необходимо подбирать таким образом, чтобы возникала однозначная речевая реакция.

Instruction. Explain how you have come to know these facts. Give the reasons.

St. I know that this film is interesting because....

Resp.because I've seen it.

С этой же целью в упражнениях должен отражаться еще один фактор, обуславливающий речевое намерение, — обстановка а ф ф е р е н т а ц и я (термин П. К. Анохина), т. е. «совокупность всех тех внешних воздействий на организм от данной обстановки, которые вместе с исходной мотивацией наиболее полно информируют организм о выборе того действия, которое более всего соответствует наличной в данный момент мотивации» [7, с. 32]. Этот фактор отражается путем достаточно полного описания обстановки, условий и участников общения. Исключение составляют упражнения, предназначенные для тренировки учащихся в составлении уточняющих вопросов, где неполное описание обстановки само по себе является стимулом к уточнению. Описание может быть вербальным или с использованием средств наглядности.

Instruction. Ask specifying questions.

St. Two boys are talking hotly in the corridor.

Resp. What are they talking about?

St. They are discussing the latest football match between two Moscow teams.

Resp. What teams took part in this match?

St. Those teams were *Dynamo* and *Spartak*. They both played well. The game was exciting, but one of the boys didn't like it.

Resp. Why..?

В инструкции или стимуле может содержаться указание на эмоциональное состояние говорящего, так как этот фактор влияет на выбор средств выражения.

Уменьшение количества вариантов ответов достигается также применением образцов (моделей) для выполнения заданий, различного вида подсказов, направляющих и корректирующих высказывание в ходе его оформления. Подсказки могут быть вербальными, наглядными и знаковыми (например: + — согласитесь, ?! — выразите удивление, i — выразите затруднение и т. д.).

Instruction. Answer the speaker's questions about the pictures.

Picture. A boy with a broom is entering the room.

St. Why has the boy brought the broom? **Resp.** He is going to sweep the floor.

Prompt.is going to (вербальный подсказ).

St. Oh, no. The floor is clean. **Resp.** I can't. I'm at a loss. Give another answer.

Prompt.i (знаковый подсказ).

Для более эффективного контроля и самоконтроля применяются ключи, которые не обязательно должны представлять собой полные правильные ответы. Можно применять фрагментарные, периодические (помещаются не после каждой, а после нескольких реплик-стимулов), а также завуалированные ключи. В последнем случае упражнение строится по двухтактной схеме, а в реплики диктора включены частично (реже полностью) предполагаемые варианты ответов на предыдущий стимул.

Instruction. Answer the speaker's questions.

St. What was the South-African authorities' attitude towards P. Abrahams? **Resp.** They hated the writer.

P. Abrahams?

St. Can't you say why the authorities hated him?

(Завуалированный ключ и стимул к следующей реплике).

При помощи различных подсказов и ключей удастся составлять более или менее естественные «беседы» с элементами управления речевыми реакциями учащихся.

Недостаточный учет психолингвистических факторов, игнорирование хотя бы одного из основных принципов программирования на практике нередко приводит к значительным потерям эффективности упражнений. Так, если мы проведем анализ некоторых видов программированных грамматических упражнений, то обнаружим, что во многих из них стимулы не ведут к однозначным ответам.

Instruction. Finish the speaker's statements. Use the Present Perfect Continuous.

St. He is tired because....

Resp. He is tired because he has been swimming for an hour.

(Но усталость может вызываться самыми различными причинами: состоянием здоровья субъекта, характером его деятельности, условиями, в которых она протекала, и т. д.).

В подобных случаях ключ становится лишь одним из вариантов ответа в лексико-грамматическом, а часто и смысловом плане. Упражнение уже нельзя назвать программированным, так как не обеспечиваются эффективное подкрепление и коррекция.

В грамматических упражнениях инструкции иногда не оговаривают выбор средств выражения, в то время как ситуация не побуждает к употреблению отрабатываемой формы. Например, обучаемым дается задание: «Make up a sentence or two about each of these pictures». Демонстрируется картинка: ночь, двое мужчин, один, нагнувшись к земле, очевидно, что-то ищет при свете фонаря. Предполагаемый ответ: «Mr. White has lost his key».

Не затрагивая лексическую сторону (неясно, отчего именно Mr. White, что он потерял и ищет), отметим только, что ситуация не обуславливает употребление Present Perfect. Обучаемый может употребить, скажем, Present Continuous: «The man is looking for something». В других случаях инструкция ограничивает выбор грамматических средств, но лишь формально (например: «Use the Present Perfect») и, таким образом, упражнения теряют свою коммуникативность.

В ряде упражнений отсутствуют указания на характер взаимосвязи стимула и ответной реплики, что затрудняет возникновение у обучаемых определенного речевого намерения.

Instruction. Add some information to the given statement. Use the Present Perfect.

St. He is a good leader.

Key. He has organized a number of meetings.

В этом и подобных упражнениях недостаточно явно выражено побуждение к ответу. Не случайно при их выполнении учащиеся часто затрудняются с ответом или вообще отказываются отвечать. Если же стимулы — описания ситуаций даются на родном языке, то упражнение нередко становится тренировкой в переводе. Учащийся освобождается от необходимости думать над содержанием своего высказывания.

Инструкция. Представьте, что вы живете в общежитии в другом городе и приехали домой на каникулы. Расскажите родителям о своей учебе, новых друзьях, преподавателях и т. д. Скажите, что:

- ваши подруги по общежитию приехали из разных городов;
- вам приходится конспектировать много литературы;
- ваш преподаватель побывал в Англии и очень интересно о ней рассказывает.

Недостаточный учет факторов, определяющих реальный акт общения, нередко приводит к тому, что личностный опыт учащихся, логическое мышление используются лишь в незначительной мере. Основной упор делается на память обучаемых.

Instruction. Read and answer using the model.

Model. St. Mike is going to cross the street. **Resp.** Pete has crossed it already.

St. Charles is going to sweep the floor. **Resp.** Pete has swept it already.

St. Ann is going to read the text. Resp. Pete has read it already.

Таким образом, составление программированных упражнений требует комплексного методического и психолингвистического подхода, создания условий для активного воздействия на психические процессы, происходящие при порождении речевого высказывания. «Учащегося надо обучать не знанию иностранного языка, а владению иностранным языком, речевые умения и навыки нельзя формировать, забывая о естественной психолингвистической структуре речевой деятельности» [6, с. 87].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку. Сб. статей. Изд-во Моск. ун-та, 1970. 166 с.
2. Вопросы порождения речи и обучения языку. Сб. статей. Изд-во Моск. ун-та, 1967. 150 с.
3. Горчев А. Ю. Программирование для языковой лаборатории: анализ зарубежного опыта. — «Иностр. языки в школе», 1976, № 1, с. 66—72.
4. Комков И. Ф. Система упражнений для обучения иностранным языкам в школе. Программированное пособие. Минск, изд. Минский пед. ин-т иностр. яз., 1968. 227 с.
5. Леонтьев А. А. Речь и общение. — «Иностр. языки в школе», 1974, № 6, с. 80—85.
6. Леонтьев А. А. Управление усвоением иностранного языка. — «Иностр. языки в школе», 1975, № 2, с. 89—97.
7. Основы теории речевой деятельности. М., «Наука», 1974. 368 с.
8. Фрумкина Р. М. Вероятность элементов текста и речевое поведение. М., «Наука», 1971. 168 с.
9. Programmed Learning and the Language Laboratory 1. Collected papers ed. by K. Bung. London, Longman, 1968. 256 p.
10. Programming for the Language Laboratory. Ed. by J. Turner. London, University of London Press, 1968. 263 p.

Л. Г. АКУЛЕНКО

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ НЕОПРЕДЕЛЕННО БОЛЬШОГО И МАЛОГО КОЛИЧЕСТВ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

(Сопоставительный анализ)

Одно из ярких проявлений языка как творчества (*energeia*, по В. Гумбольдту) — постоянное диалектическое противоречие его свойств, называемых системой и нормой. К системе при этом относятся открытые возможности образования понятных в данном языке знаков, «технику и эталоны для соответствующей речевой деятельности» [4, с. 175], данные говорящему в противопоставлениях. Норма же фиксирует степень реализации каждой из таких возможностей, отбирая то, что, возникая на открытых путях в языке, признается в большей или меньшей мере правильным или всеобщим. Но понятие нормы относительно, отсюда — окказиональный характер ее явлений и различия в их оценке.

Указанное противоречие ведет к невозможности точного определения количества слов и устойчивых сочетаний в языке при одновременной несомненной структурной упорядоченности словаря. Национальное своеобразие словаря, существующее на уровне как системы, так и нормы [см. 5, с. 99], особенно отчетливо замечается при синхроническом сопоставлении языков.

Сопоставительное (таксономическое, а на следующем этапе — дефиниционное, валентностное и переводоведческое) рассмотрение микросистем неопределенно большого и малого количеств (НБК и НМК) в немецком и русском языках свидетельствует об их значительной близости, объясняемой отчасти универсальными факторами, общностью происхождения, но в особенности взаимосвязями в рамках европейского языкового союза [см. 7]. Вместе с тем оно вскрывает специфику каждого из языков, незаметную при внутриязыковом подходе.

Входя в состав параллельных семантических полей количества [см.: 3, с. 19—38; 1, с. 11—17], эти системы характеризуются, в свою очередь, сложным строением. В каждой из них существует путь прямой номинации, при котором понятия получают либо синтетическую, либо расчлененную, аналитическую форму своего семантического воплощения. Но преобладают пути образного воплощения понятий. Это типичные «открытые возможности» языков, соответствие которым обеспечивает общую понятность даже редких и окказиональных образований. Их характеризуют две важные особенности системных путей на лексико-семантическом уровне, обычно игнорируемые исследователями. Во-первых, типичные переносы характеризуют слова независимо от их морфологического статуса, поэтому изучение ЛСГ (лексико-грамматических групп) в рамках одной части речи (в большинстве случаев существительных) не может дать полной и адекватной картины [см. 2]. Разумеется, при этом приходится учитывать своеобразие реализации идеи НБК в семантике слов, относящихся к разным частям речи. Так, в значении глаголов она может относиться не только к действиям (*нахотеться*, *übersättigen*), но и к предикандумам, которые предполагаются предикатом: семантическим субъектам (*множиться*, *изобилывать*, *кишеть*, *хлынуть*, *плодиться*, *sich mehren*, *überströmen*, *fluten*, *schwärmen*) и объектам (*напичкивать*, *задаривать*, *осыпать*, *vollstopfen*, *beschenken*, *bewerfen*). Во-вторых, принятые в данном поле языка направления переносов («образов») захватывают не только слова, но и фразеологизмы. Следовательно, один лишь структурный анализ фразеологизмов в отрыве от лексики того же поля оказывается недостаточным (см., напр., 6).

Среди рассматриваемых лексико-семантических микросистем обоих языков более развиты системы НБК, содержащие более 30 открытых путей, или семантических рядов. Ядро каждой из них образует немногочисленная группа слов, означающих НБК в прямых примарных значениях (ЛСВ₁ — лексико-семантический вариант 1): это наречия, некоторые прилагательные, существитель-

ные, глаголы и местоименные числительные. Здесь представлены единичные корни и аффиксы, причем кроме корней НБК используются и корни НМК в отрицательных производных или сочетаниях (ср.: *много, немало* — viel, nicht wenig). Слова и сочетания каждой из групп находят соответствия в группе второго языка а в таких случаях, как *масса* — Masse, *мирады* — Myriade(n), соответствия имеют общеевропейский характер.

Достаточно близки в сопоставляемых языках группы слов, которые абстрактно выражают идею количества или части и для передачи значения НБК вступают в сочетания с интенсификаторами, имеющими в значении сему «большой» (ср.: *большое (-ая) количество, число, часть, доза* ... — ein(e) große(r) Zahl, Menge, Teil, Dosis).

Способ передачи НБК, как и НМК, при помощи числительных и счетных существительных в переносных ЛСВ, является сравнительно универсальным не только для немецкого и русского языков. Подобный перенос можно встретить во фразеологизмах различных языков, например, болг. *человек знает два и двесте* (человек применяется и к малому, и к многому, т. е. ко всему) или итал. mille e tre (шутл. «множество» — о возлюбленных). В рассматриваемых языках этот путь выражения НБК реализуется во многом аналогично в числительных, начиная с десяти — zehn, хотя излюбленные числа типа русск. *сорок, сорок сороков* или детально разработанной в немецком идеи дюжины (Dutzend(e), zwei Dutzend, ein paar Dutzend, ein halbes Dutzend, dutzendmal, ein halbesdutzendmal) не вполне совпадают.

Специфика каждого из языков особенно сказывается в области остальных путей переносно-образной передачи значения НБК. Системы переносов в немецком и русском языках близки, хотя и не идентичны. Это слова, обозначающие единицы меры и веса, слова и обороты, передающие образ вместилища, многообразные аналогии с явлениями природы (водные просторы, водные потоки, облака и осадки, растительные множества, порывы ветра, крупные элементы рельефа местности, большие пространства суши, многочисленные малые объекты на больших площадях, свергающиеся или извергающиеся массы и пр.). Широко употребляются различные типы слов, обозначающих совокупности: названия движущихся или неподвижных, упорядоченных или беспорядочных совокупностей лиц и предметов, животных, плодов, совокупностей, рассматриваемых как единое целое, как проявление разнообразия, как возможность выбора и т. д. Активным путем является использование в переносных значениях слов и в буквальных значениях фразеологизмов, выражающих идею невозможности охвата чего-либо разумом, чувствами или действиями человека. Широко представлены такие пути, как действие покрывания площади многим и выбрасывание многого, а также сочетание идеи НБК с типовыми семами, обозначающими такие понятия, как полнота, достаточность, избыток и др. Расхождение систем открытых возможностей проявляются в области

путей сравнительно редких: образы группировки звезд на небе (*созвездие*), цельности (*непочатый край*), полного уничтожения (*гибель*) в русском языке или длинного тела или органа животного (*Menschenschlange, Rattenschwanz von Problemen, von Scherereien*) в немецком (ср. совершенно иное содержание метафорического переноса у Вл. Маяковского: *улица-змея* — значит *длинная, с поворотами*).

Компонентный анализ исходных значений, лежащих в основе НБК, свидетельствует о малом числе сем, свойственных данным микросистемам и почти идентичных в обоих языках. Это семы большого, числа, меры, вместилща, площади, движения, направления, предела, порядка, сложности, препятствия, предметности, массы, живого, человека и др. Из них только большое, полнота, целое (сплошное), совокупность, разнообразие, сложность, всеобщность, невозможность охвата и т. п. способны при переосмыслении превращаться в НБК. Эти семы в ЛСВ₁ иногда являются вторичными или даже потенциальными, в таком случае они особенно легко выявляются в ЛСВ₂ при его сочетании с актуализатором (типа *целый, ganz*); слова же первых двух рядов могут сочетаться с интенсификаторами (типа *очень, ужасно, sehr, schrecklich*). Выделение компонентов позволяет установить оппозиции в системах, среди которых преобладают привативные оппозиции. Так, семантические ряды типа «упорядоченное движение многих лиц, предметов» (*шествие, кавалькада, хоровод, Schleppzug, Aufmarsch, Karawane, Treck*) и «упорядоченное расположение многих лиц, предметов» (*ряд, колонна, строй, Reihe, Kette, Batterie*) отличаются тем, что второй член не содержит информации о движении, т. е. является немаркированным. Ощущаются и взаимные переходы некоторых рядов в системах: так, примарный образ сплошной темноты (*тьма крошечная, черным-черно, schwarz von etw.*) перекликается с невозможностью охвата зрением (*видимо-невидимо, unübersehbar* и т. п.).

Явления уровня нормы имеют намного больше различий в обоих языках. Практически даже идентичные возможности систем никогда не реализуются совершенно одинаково. Прежде всего, на том же пути каждый язык обычно образует разное количество знаков и иначе распределяет их по частям речи. Скажем, на пути переосмысления названий водных потоков немецкий язык образует намного больше глаголов и дополняет их особыми наречиями (типа *stromweise, flutweise, sprudelweise*). Кроме того, не вполне совпадают ограничения в семантической сочетаемости даже соотносительных слов и оборотов из идентичных рядов.

Синтаксическая валентность слов рассматриваемых групп определяется смысловыми ограничениями, налагаемыми на общую валентность частей речи: так, существительные в ЛСВ₂ (НБК) выступают преимущественно в конструкции *NN* род. (существительное + существительное в род. падеже). Семантическая же сочетаемость различна не только для рядов, но нередко и для отдельных слов и словосочетаний в одном и том же ряду. В значительной мере она

определяется исходным ЛСВ₁: понятно, например, что *море*, Meer и т. п. сочетается прежде всего с названиями жидкостей или каких-то множеств, напоминающих море (das Meer der Blut, Tränen, von Licht, *море слез, крови, света*), а затем с иными словами, в том числе с абстрактной семантикой (das Meer der Zeit, der nationalen Empörung, Leidenschaften, Irrtümer, *море блаженства, море живой мысли*). Отход от нормы привычной сочетаемости, вплоть до смешения норм разных семантических рядов, намного повышает выразительность образа (ср.: «*пять пудов любви*» у Чехова, «Plötzlich sah ich Blumenthal wie einen ganzen Wald von Affen grinsen» у Ремарка, «Eine Unze Friede ist mehr wert als eine Tonne Sieg» у Фейхтвангера, «Es gab eine Wüste von Häusern und Bahnen und Straßen...» у Зерепа, «Eine Handvoll Glück ist besser als eine Ladung Verstand» (Sprichwort)).

Системы НМК в немецком и русском языках включают в себя около двадцати семантических рядов. Они обладают четкой структурой, в основных чертах соответствующей структуре систем НБК. По нашим наблюдениям, в системах НМК обоих языков существует полное совпадение рядов, специфика же языков проявляется только на нормативном уровне. Ядром здесь также являются немногочисленные прямые номинации, использующие слова и словосочетания с единичными корневыми морфемами, означающими НМК; способ отрицания НБК более развит в русском языке. Те же слова, обозначающие количество или его часть, которые в аналитических наименованиях выражают НБК, способны передавать и НМК, сочетаясь с прилагательными со значением «малого» (исключение — русск. *толика*).

В целом параллельны в обоих языках числительные, означающие первые от нуля числа натурального ряда, и счетные существительные в переносном значении НМК; русский язык в основном держится в рамках *один — два* и *два — три*, тогда как немецкий несколько шире употребляет и *drei bis vier*. Как и в системах НБК, встречается немало специфических слов, иногда историзмов, среди названий меры и веса, употребляемых в значении НМК (*золотник, вершок, пядь, Lot, Zollbreit, Gran* и т. п.). Преимущественно различаются и переносно употребляемые названия мелких монет за исключением *грош* — Groschen.

По сравнению с богатыми средствами выражения идеи НБК через объекты и явления природы системы НМК располагают скромными возможностями. При этом используемые здесь образы как бы противопоставлены образам НБК: так, *остров* «Впереди, в желтом море хлеба был виден маленький, темный островок леса» у Горького; «остров доброго расположения...., любви среди моря враждебности и насмешки....» у Л. Толстого; «Inmitten des Meeres von Wahn und Grausamkeit blieb sein Ermenonville eine Insel der Weisheit und Friedens» у Фейхтвангера; «Insel von Wärme und Heiterkeit» у Ремарка) противостоит идее моря; *оазис, Oase* — идее пустыни; *капля, Tropfen* — множеству жидкости и т. д.

В ряде других типичных переносов малый объект рассматривается не как целое, а как малая часть чего-то (*песчинка в море, капля в море, ein Tropfen im Meer* или просто *кроха, частица*), в частности, возникающая в результате действий человека (*глоток, щепотка, пригоршня, Schluck, Handvoll, Hauch*), вплоть до мельчайших элементов материи (*атом, молекула, Atom, Molekül*), как бы в противовес идее вселенной (*мир, Welt*) в системе НБК. Среди других семантических рядов интересны измерения НМК по малым частям тела человека (*Nägelchen, Nägelbreit, Daumen, ein Haar, keine halbe Nase weniger, nur auf den hohlen Zahn, с мизинец, с ноготок*), противостоящие в системе НБК крупным измерениям пространственных координат и количеств через сравнение с человеческим телом (*по шее, по уши, по горло, выше головы, как волос на голове, bis an den Hals, bis an die Ohren, Armvoll, mehr als Haar auf dem Kopf* и т. п.).

Своеобразие языкового выражения проявляется в образах, связанных с действиями животных: так, *кот наплакал* и *das trägt die Katze auf dem Zagel weg, das trägt die Maus auf dem Schwanz fort* символизируют НМК, тогда как *Rattenschwanz* означает только НБК.

Однако ни сопоставительно-таксономический анализ систем в целом, ни сравнения отдельных элементов параллельных рядов обоих языков даже с учетом динамики словаря в полной мере еще не устанавливают эквивалентность элементов двух языков в параллельных высказываниях. Здесь используются средства поля количества в целом, включая морфологию, синтаксис и фонетику, а на лексико-семантическом уровне действуют не только ассоциации в пределах систем НБК и НМК, но и связанные с ними ассоциативно-многочисленные группы, такие, как большая и малая величины, объем, высота, частота, целостность, всеобщность, полное отсутствие и т. п., как они подаются в общеязыковых тезаурусах [см.: 8, с. 171—188, 217, 438, 474]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акуленко Л. Г., Клименко Н. Л. О выражении категории количества в языке. — В кн.: Структурная и математическая лингвистика. Вып. 3. Киев, «Вища школа», 1975, с. 1—17.
2. Вовк В. Н. Фраzeологизированные единицы со значением неопределенного множества в современном английском языке (в сопоставлении с украинским языком). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Киев, 1976. 22 с.
3. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., «Просвещение», 1969. 184 с.
4. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 3. М., Изд-во иностр. лит., 1963, с. 143—343.
5. Степанов Ю. С. Основы языкознания. М., «Просвещение», 1966. 271 с.
6. Тихонова М. Ю. Лексико-фразеологическая микросистема «много» в современном русском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Самарканд, 1971. 27 с.

7. Becker H. Der Sprachbund. Lpz-Berlin, Mindt, 1948. 166 S.
8. Dornseiff Fr. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen, de Gruyters. 5. Aufl., Berlin, 1959. 922 S.

Е. И. БЕЙДЕР, канд. пед. наук

К ВОПРОСУ О РАСКРЫТИИ ЗНАЧЕНИЙ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ ЧЕРЕЗ КОНТЕКСТ

Раскрытие значений языковых единиц через контекст все больше привлекает внимание педагогов как одно из эффективных средств обучения иностранным языкам. Однако его широкое использование оказывается невозможным из-за недостаточной изученности психологических механизмов языковой догадки. Цель данной статьи — описать некоторые существенные стороны процесса раскрытия значений языковых единиц через контекст.

В предыдущих работах [1, 2] мы указывали на сходство этого процесса с процессом решения широкого класса задач на раскрытие неизвестного. Учащиеся, для которых решение подобных задач является привычным видом интеллектуальной деятельности, например, студенты, изучающие точные науки, обнаруживают, по нашим наблюдениям, достаточно сильную способность проникать в смысл текстов, содержащих неизученный языковой материал. Их способность проникать в смысл иностранного текста была дополнительно проверена при помощи эксперимента, в котором мы воспользовались методикой А. Н. Соколова, а также английскими текстами, приведенными в его работе [6]. В эксперименте участвовали студенты физического, механико-математического, географического и филологического факультетов, ранее не изучавшие английский язык. При переводе текста испытуемые пользовались словарем и выбирали по контексту нужное значение незнакомого слова. Записывать найденные значения слов не разрешалось. Каждый давал устный отчет о производимых операциях.

В результате проведенного эксперимента мы сделали два вывода: математики и физики проявили более сильное контекстуальное мышление при раскрытии каждой новой языковой единицы; они лучше, чем студенты гуманитарных факультетов, удерживали в памяти контекстуальные данные, полученные на определенной стадии перевода, и могли воспользоваться ими при переводе последующих частей текста.

Первая отмеченная особенность, очевидно, объясняется тем, что для данного контингента учащихся характерны такие интеллектуальные качества, как развитое аналитическое мышление, профессиональная способность к обобщениям и решению логических задач. Вторая особенность объясняется активной работой оперативной памяти. Умение организовать работу оперативной памяти проистекает из профессиональных навыков, развитых при решении сложных задач, и состоит в том, что каждый найденный результат следует хранить в памяти вплоть до окончательного решения

задачи. Это качество наших обучаемых было впоследствии учтено нами при организации учебных действий, представленных в виде цепочек задач. При решении каждой последующей задачи такой цепочки используются слова, раскрытые в предыдущей задаче.

Еще более интересный материал дают наблюдения за специалистами, пытающимися расшифровать нужный им текст на чужом языке без помощи словаря и грамматического справочника. Анализ такого рода деятельности позволяет лишний раз убедиться в возможности переноса математических способностей на деятельность, связанную с овладением иностранным языком. Мы произвели опрос 11 специалистов (математиков, физиков и физикохимиков), которые в результате неоднократных попыток самостоятельно научились читать тексты на новом для них языке. Почти все опрошенные сравнивали этот процесс с решением кодовых задач, в которых известными для них были: латинские буквы, интернациональные слова, ограниченный темой текста диапазон поиска, формулы и графики. Во всех известных нам случаях такой систематической расшифровки текстов специалистам удавалось добиться достаточной скорости информативного чтения. Плохое произношение является единственным отрицательным моментом этого эффективного самообучения. Эффективность его объясняется двумя обстоятельствами: в процессе чтения, представляющего собой решение серии логических задач, направленных и на извлечение информации, реализуются способности к производству операций логического анализа и синтеза и логическому запоминанию; процесс самообучения связан с основной деятельностью специалиста и поэтому отличается высокой мотивированностью. Текстовый материал ограничен узкой специальностью читающего.

По свидетельству ученых, занимающихся таким своеобразным самообучением, процесс проникновения в грамматическую структуру и смысл предложений на незнакомом языке был для них увлекательным занятием, состоящим в решении некоторой единой кодовой задачи. Отдельные этапы решения этой задачи, по мнению некоторых опрошенных, аналогичны предлагаемому участникам ежегодных олимпиад по языкознанию и математике, проводимых в МГУ [см. 5].

Вопрос об общности процессов усвоения иностранного языка и системы научных понятий, в частности математики, впервые в отечественной психологической литературе был достаточно основательно поставлен Л. С. Выготским [4]. Этому вопросу посвящена и работа Л. В. Шеншева [8].

Необходимым элементом учебной деятельности будущих специалистов в области точных наук является овладение формализованными языками этих наук. Аналогия между естественными и формализованными языками, касающаяся как их построения, так и пользования ими, обсуждалась нами ранее [3]. Аналогичны и процессы овладения упомянутыми языками. На это обстоятельство, в частности, указывает один из крупнейших современных специа-

листов в области математической логики А. Черч. Обучать формализованным языкам, подчеркивал он, можно с помощью тех же способов, которые используются при обучении естественным языкам, когда на базе естественного языка строится словарь и правила формализованного языка, и «беспереводного» способа. Возможна также комбинация этих двух способов [см. 7].

Все сказанное позволяет предположить, что учащиеся, для которых решение задач на раскрытие неизвестного и усвоение формализованных языков является привычными актами учебной деятельности, оказываются лучше подготовленными к усвоению чужого языка.

Рассмотрим процессы раскрытия неизвестного значения слова через контекст, который может представлять собой одно или несколько предложений или даже длинный текст, а также включать некоторый запас знаний по изучаемому языку из других областей (истории, физики и т. д.). Предположим, что в таком контексте значение слова распознается однозначно, как, например, значения выделенных слов в приведенных ниже фразах. The second world war began on the 1st of September, 1939. July is the seventh month of the year. The current flowing in a circuit is measured with an ammeter.

В задаче такого типа известным является контекст, а неизвестным — значение слова. Отношения между известными и неизвестным устанавливаются посредством их грамматического соотнесения в предложении и посредством установления смысловых связей. Мы предполагаем, что эти отношения в данном случае настолько сильны, что однозначно определяют неизвестное. Тем самым они определяют оператор задачи, который реализуется путем сложного и труднорасчленимого процесса языковой и смысловой корреляции между незнакомым словом и контекстом. Этот процесс включает в себя, в частности, следующие операции: 1) установление логико-синтаксических связей между незнакомым словом и остальной частью предложения по месту этого слова в структуре предложения; 2) установление смысла части предложения, не содержащей неизвестного; 3) поиск в памяти понятия, определяемого данным контекстом. Кроме того, здесь может происходить соотнесение рассматриваемого слова с соответствующим словом родного языка, т. е. перевод.

Рассматриваемая задача может называться языковой в силу своего дидактического назначения, а также объекта поиска и характера производимых операций. Очевидно, что среди задач этого рода мы можем найти столь же легкие, как упомянутая, и задачи, не решенные на сегодняшний день (например, расшифровка некоторых незнакомых языков). Легкость данной задачи объясняется тем, что неизвестное значение слова здесь раскрывается в высказываниях, достаточно простых по своей логико-синтаксической структуре и обладающих всей совокупностью данных, однозначно определяющих ответ. В подобных случаях решение может произойти мгновенно. Однако мгновенность решения, обусловленная «свернутым» харак-

тером операций смысловой и языковой корреляции, вовсе не исключает их наличия.

Операции, связанные с получением однозначного ответа о значении языковой единицы, являются учебными действиями с языковым материалом, усвоенным ранее. Поэтому дидактическая ценность языковых задач на раскрытие значений состоит не только в раскрытии значения нового слова. Ценными являются также логические и языковые операции, предшествующие получению правильного ответа. В этом смысле допустимо сравнение языковых задач с учебными, применяемыми в точных науках. Получение правильного ответа при решении математических и физических задач является не самоцелью, а лишь свидетельством того, что обучаемый правильно выполнил необходимые операции, запрограммированные обучающим при составлении условия задачи. При составлении языковых задач также имеется возможность планировать деятельность обучаемого, связанную с получением однозначного ответа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бейдер Е. И. Метод языковых задач в системе программированного обучения иностранному языку.— В кн.: Методические записки по вопросам преподавания иностранных языков в вузе. Вып. 4. М., изд. МГПИЯ, 1967, с. 122—123.
2. Бейдер Е. И. Метод задач как средство обратной связи в системе программированного обучения иностранному языку.— В кн.: Вопросы программированного обучения иностранным языкам. М., изд. МГПИЯ, 1969, с. 127—145.
3. Бейдер Е. И. Некоторые пути интенсификации процесса обучения иностранному языку.— В кн.: Методы интенсивного обучения иностранным языкам. М., изд. МГПИЯ, 1975, с. 5—15.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь.— В кн.: Избранные психологические исследования. М., Изд-во АПН РСФСР, 1956. 596 с.
5. 200 задач по языковедению и математике. Изд-во Моск. ун-та, 1972. 252 с.
6. Соколов А. Н. Внутренняя речь и мышление М., «Просвещение», 1968. 248 с.
7. Черч А. Введение в математическую логику. М., «Наука», 1959. 627 с.
8. Шеншев Л. В. Общие моменты мышления в процессе усвоения математики и иностранного языка.— «Вопросы психологии», 1958, № 2, с. 84—97.

В. И. ГОЛОВАНЬ

НЕКОТОРЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ XV ВЕКА

Развитие английского языка, прошедшего путь от сравнительно свободного до фиксированного порядка слов, происходило в направлении создания возможного соответствия между требованиями грамматического принципа порядка слов и функциональной перспективы предложения. Результатом этого явилась характерная для современного английского языка тенденция к тематическому осмыслению субъекта, оформлению грамматическим субъектом элемента с низкой коммуникативной значимостью [см.: 9, с. 58].

В настоящей статье мы рассмотрим некоторые семантические и коммуникативные особенности субъекта в период, когда влияние принципа функциональной перспективы предложения на порядок слов было большим по сравнению с современным. Расхождение в действии принципов проявляется прежде всего в использовании в данный период конструкций с коммуникативной инверсией там, где в современном языке им обычно соответствует прямой порядок слов с тематичным субъектом:

1. <i>The first complaint made Isegrim the wolf on Reynard</i> [4, p. 46].	1a. <i>The first complaint was made by Isegrim...</i>
2. <i>There was told me a thing</i> [10, vol. 5, p. 129].	2a. <i>I was told a thing.</i>
3. <i>Y sende you a role yn the whiche is conteyned copies of Domus Dey</i> [11, p. 17].	3a. <i>...which contains copies...</i>
4. <i>Of this dryenes or drought engendrid a vapour infecte</i> [5, p. 275].	4a. <i>This dryness engendered a vapour....</i>

В отличие от современных образцов (1a—4a), где контекстуально зависимый, тематичный элемент по структурным соображениям употреблен в роли субъекта, в конструкциях с инверсией этот элемент оформляется прямым (1) или косвенным (2) объектом, обстоятельством с локальным (3) или причинным (4) значением в соответствии с семантическими отношениями, которые он выражает. Меньшие ограничения, налагаемые грамматическим принципом на порядок синтаксических компонентов, позволяют создать в данный период большее соответствие между синтаксической и реальной семантической структурой при сохранении последовательности «тема — рема».

В конструкциях с коммуникативной инверсией чаще встречаются глаголы, которые можно отнести к лексико-семантическому классу экзистенциальности в широком смысле этого слова. Семантика таких глаголов под влиянием выполняемой ими коммуникативной функции введения рематичного субъекта обычно выражает способ появления (существования) предмета. В то время как в эквивалентных им конструкциях с тематичным субъектом информация о существовании предмета передается опосредствованно, через смежные отношения, рематизация субъекта является более прямым способом выражения существования:

5. <i>In the weche letter were closed iiij letterres of paymentte</i> [6, p. 204].	5a. <i>Which letter contained...</i>
6. <i>And also this day was brought me word fro Caystr</i> [10, vol. 5, p. 282].	6a. <i>I got...</i>

7. Sodeynly there began to en- 7a. he *felt*...
gendre in hym a mortal hate aga-
ynst Iupiter [5, p. 86].

8. Ffor in this counsell mey be 8a. This counsil may *determine*...
determynd euery case of difi-
culte [7, p. 144].

Отношениям включения (5а), принадлежности (приобретения) (6а), восприятия (7а), каузативным (8а, см. также 4а) соответствуют отношения, близкие по значению к экзистенциальным. Употребление конструкций с рематичным субъектом позволяет избежать не которого семантического сдвига, характерного для современного английского языка, связанного с тематической функцией субъекта.

Конструкции с инверсией могут содержать контекстуально зависимый элемент со значением деятеля (семантический субъект), который подходит больше всего для роли грамматического субъекта, однако не является им: 9. And if thar be fown no sech sewth *by the seyd frere* [10, vol. 6, p. 35].

Рематизация субъекта, приводящая к некоторому расхождению между синтаксической и семантической структурами, связана здесь, вероятно, с коммуникативными соображениями. Несмотря на то что в обеих конструкциях один и тот же элемент может являться ремой и что последовательность *SVO* с тематичным субъектом и глаголами с ослабленной семантикой может приобретать в известной степени коммуникативную функцию (как в современном английском языке), эти конструкции представляют собой различные коммуникативные типы высказываний. Инверсия является как бы коммуникативно маркированной, употребление ее связано непосредственно с рематизацией субъекта. Она встречается обычно там, где существуют значительные различия в коммуникативной значимости между глаголом и субъектом и, с другой стороны, создает это различие. Употребление последовательности *SVO* не связано, вообще говоря, с рематизацией объекта. С повышением коммуникативной значимости глагола, например с усилением его полноточности, различия в этих конструкциях становятся более очевидными:

10. Ffor danaus for enuye and 10a.that his daughters should
couetyse to haue the succession traitorously *murder* all fifty
maad that by his doughters tray- sons....
terously shold *be murdryd* alle
fyfty sones of the said egistus the
fyrst nyght [5, p. 103].

Как видно из приведенных примеров, контекстуально зависимый элемент, оформленный объектом или обстоятельством, мог занимать доглагольную тематичную позицию, однако часто помещался после глагола (см. примеры 2, 6, 7, 9), в роли же темы в этих случаях выступало ситуативное обстоятельство (места или времени) или предваряющее *there*. В связи с этим утверждение Ч. Фриза

о том, что переосмысление синтаксических компонентов, субъекта и объекта, произошло под «давлением позиции» [8, с. 203], представляется не совсем точным и не отражает полностью процесса тематизации субъекта в английском языке. Это утверждение предполагает, во-первых, объект в доглагольной позиции, а во-вторых, обязательное присутствие в предложении элемента, который может быть превращен в грамматический субъект. Переосмысление элемента как субъекта включало, вероятно, во многих случаях перенос его в доглагольную позицию или выведение из контекста:

11. Therfor nedythe no mencion 11a. I need not mention...
from wher it comythe [10, vol. 5,
p. 68].

12. I have receyved your letter, 12a. You remember...
whereing is remembryd the gret
hurte [10, vol. 5, p. 285].

Таким образом, различным типам семантических отношений, которые устанавливаются в современном английском языке между предикативным глаголом и грамматическим субъектом в связи с его тематической функцией, в исследуемый период часто соответствуют отношения, близкие к экзистенциальным. Кроме того, если в современном английском языке наблюдается тенденция к употреблению в конструкциях синверсией глаголов лексико-семантического класса существования и к десемантизации глаголов внутри него, перераспределение их в пользу наиболее семантически ослабленных (прежде всего глагола *to be*), для исследуемого периода характерно сохранение специфичности глаголов. Экзистенциальные конструкции, напоминающие современные перифразы, часто выступают в качестве факультативных вариантов инверсий, содержащих полнозначный глагол:

13. Ther *passith* not VIIJ. that 14. Ther *ar* natt *past* XX^{ti} per-
use occupacion of husbondrye sons to be yerly howselyd [10,
[10, vol. 2, p. 313]. vol. 5, p. 326].

Иногда их употребление связано с особыми соображениями, например, с рематизацией самого значения существования в контрастивных высказываниях, тесно связанных с контекстом:

15. Yf ther may *please* yow ony thyng ... yf ther *BE* ony thyng in
crete to your *pleasir* [5, p. 113].

Информация, содержащаяся в глаголе, часто не относится к числу необходимых или важных для получателя сведений, способ существования, выражаемый глаголом, может быть предсказуем семантической субъекта или выведен из контекста:

16. Yet there *be found* more foxes now than ever were here tofore [4,
p. 185].

17. Upon whiche *was sette* a right riche ruby enuyrouned wyth fyue
grete perles [3, p. 82].

18. In which bokes *were wryten* the laws of Rome [2, p. 45].

Специфичность семантического содержания глагола может быть здесь отнесена к своего рода избыточности, которая часто наблюдается в таких конструкциях в языках со свободным порядком слов [см. 1, с. 238] и может считаться в известной мере показателем употребительности коммуникативной инверсии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Г а к В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским. М., «Русский язык», 1975. 278 с.
2. C a p g r a v e J. The Cronicle of England. Ed. F. Ch. Hingeston. Rolls. Series. London, 1858. 482 p.
3. C a x t o n W. Blanchardyn and Eglantine. Ed. L. Kellner. E.E.T.S. London, 1890. 340 p.
4. C a x t o n W. The History of Reynard the Fox. Cambridge, Mass. Harvard Univ. Press, 1960. 221 p.
5. C a x t o n W. The Recuyell of the Historyes of Troye. Ed. H.O. Sommer. London, 1894. 830 p.
6. Cely Papers. Ed. H. E. Malden. London, 1900. 214 p.
7. F o r t e s c u e J. The Governance of Englund. Ed. Plummer. Oxford, 1885. 188 p.
8. Fries Ch. C. On the Development of the Structural Use of Word-Order in Modern English. — «Language», 1940, vol. 16, No 3, p. 199—208.
9. M a t h e s i u s V. On Linguistic Characterology with illustrations from Mokern English. — In: Actes du Premier Congres International de Linguistes a la Haye, 1929, p. 58—62.
10. Paston Letters. A. D. 1422-1509. Ed. Gairdner. Vol. 2, 4, 5, 6. London, 1904.
11. S h i l l i n g f o r d J. Letters and Papers. Ed. Stuart A. Moore. Westminster, 1871. 145 p.

Н. Н. ГРИШКО

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГАРМОНИЧЕСКОГО АНАЛИЗАТОРА ДЛЯ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО КОНТРОЛЯ ПРОИЗНОШЕНИЯ ГЛАСНЫХ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Основной задачей обучения иноязычному произношению является выработка рецептивных и репродуктивных навыков фонетического оформления речи. В процессе формирования этих навыков перед методом стоит много проблем, основные из которых связаны с задачей контроля правильности произношения и выработкой у студентов способности к самонаблюдению и самоконтролю произношения звуков.

Если рассматривать контроль как организацию обратной связи, то проблема его объективности приобретает особое значение. Методика контроля рецептивных навыков достаточно разработана, в то время как проблема объективного определения степени сформированности репродуктивных навыков представляет большую трудность, вытекающую из самой природы такой сложной деятельности, как производство звуков, включающее в себя психические, физиологические и акустические моменты. Мы полагаем, что традиционный аудиторный анализ произношения студентов может быть дополнен другими, более объективными методами автоматизиро-

ванного контроля, разработка и применение которых стали возможными благодаря современному опыту, накопленному в области исследований по автоматическому распознаванию речи. Для организации автоматизированного контроля необходимо разработать прибор, позволяющий объективно оценить правильность произношения звука. Прибор должен обладать рядом особенностей, основными из которых являются простота в обращении и простота устройства, что определяется предполагаемой возможностью его широкого использования.

На основе существующих схем разработан малогабаритный гармонический анализатор МГА-1, при помощи которого был произведен автоматический контроль произношения студентами английских гласных. Принципиальная схема прибора аналогична известным схемам измерительных устройств, например, анализаторов спектра звукового сигнала параллельного типа. Такие схемы используются, в частности, в вокодерах и в некоторых устройствах

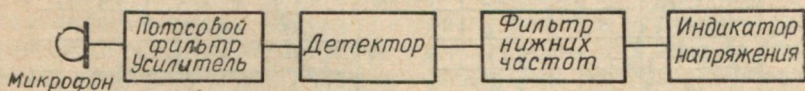

Рис. 1.

для автоматического формантного анализа. Они выполняют функции анализатора мгновенного спектра, непрерывно следящего за вариациями как по частоте, так и по интенсивности.

«Установлено, что механизм речеобразования является квазистационарным источником звуков с изменяющимся во времени характером возбуждения и частотной характеристикой. Поэтому любая спектральная характеристика, пригодная для речевого сигнала, должна отражать не только спектральные особенности воспринимаемых значений, но и временные особенности» [5, с. 24].

Для получения спектральных характеристик используется прибор, блок-схема которого показана на рис. 1.

В настоящее время такие схемы (многоканальные) приводятся во многих работах по автоматическому распознаванию звуков и речи. Некоторые авторы отмечают, что анализ признаков-сегментов во времени позволяет отделить сегменты, несущие информацию о дикторе, от сегментов, общих для всех дикторов [см. 3]. Анализ опубликованных экспериментальных данных регистрации параметров звука показывает, что хотя амплитудно-частотная характеристика без временной развертки в общем случае недостаточна для полной характеристики звука, все же с достаточной однозначностью он может быть охарактеризован огибающей относительных максимумов (ООМ) интенсивности отдельных гармоник [см. 4].

Частотные характеристики голосов разных дикторов неодинаковы, что, естественно, сказывается на форме амплитудно-частотных графиков одних и тех же звуков. Это обстоятельство в прин-

ципе не исключает возможности опознания звука по ООМ интенсивности отдельных гармоник, поскольку, как показали экспериментальные исследования, смещение положения низкочастотного максимума, как правило, вызывает соответствующее смещение максимумов и в области более высоких частот. Более того, частотная структура звука не зависит от абсолютной частоты максимумов [см. 2].

Одной из наших задач было дополнительное экспериментальное уточнение возможности использования ООМ при автоматическом контроле произношения английских гласных, который осуществлялся с помощью прибора МГА-1. Он имеет двенадцать назависимых каналов — полосовых фильтров, каждый из которых нагружен на свой полупроводниковый детектор в схеме пикового вольтметра, обеспечивающего регистрацию максимальной амплитуды гармоник, соответствующих резонансной характеристике фильтра.

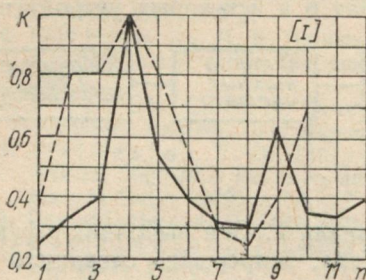

Рис. 2.

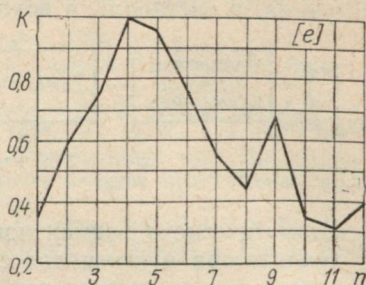

Рис. 3.

Снятие ООМ происходит в следующей последовательности: диктор произносит перед микрофоном гласный звук, затем оператор записывает показания вольтметра по каждому из 12 каналов, охватывающих с перекрытием диапазон частот от 80 до 3200 Гц. Сравнение полученных ООМ требует предварительной незначительной математической обработки: для удобства расчетов значения интенсивности гармоник представляются не в децибелах, а в относительных единицах (по отношению к наибольшему максимуму, измеренному на одном из каналов). Сравнение ООМ предполагает смещение графиков по оси частот. Для контроля ООМ, полученные студентами, сравнивались с типовыми ООМ тех же гласных, произнесенных диктором-англичанином.

Для возможности наглядного сравнения графики ООМ подвергались элементарной математической обработке для расчета средних значений относительных максимумов амплитуд. Так, на рис. 2 и 3 приведены типовые ООМ для звуков [ɪ] и [e]. По оси координат показаны относительные значения K , найденные путем деления данного показателя U_i на наибольший максимум показаний U_m . Тогда $K = \frac{U_i}{U_m}$. По оси абсцисс отложили номера

и каналов. Объективно неправильный звук, произносимый студенткой М., дает отличную от типовой ООМ (на рис. 2 результаты этого опыта показаны пунктиром).

Относительная простота работы с прибором МГА-1 позволяет студентам применять его для самоконтроля произношения гласных, особенно на той стадии, когда слуховой самоконтроль еще недостаточно выработан.

Во время лабораторной работы студентам предлагается в индивидуальном порядке оценить правильность усваиваемого ими произношения гласных звуков английского языка при помощи устройства МГА-1. Студенты, сняв показания вольтметра, самостоятельно строят графики произнесенных ими звуков. Следующим этапом является сравнение полученных графиков с типовыми. Последние выполнены на кальке, что позволяет наложить их на полученные графики и определить степень их отклонения от типовых.

Графики, близкие к типовым, содействуют закреплению артикуляторных представлений студентов. Графики со значительными отклонениями служат сигналом к поиску причины искажения акустического образа и активизируют деятельность студентов по овладению произношением. Графики нескольких гласных, полученные студентами всей учебной группы, позволяют преподавателю определить степень правильности индивидуального произношения, а также недостатки в общей подготовке группы, уточнить для себя те гласные, правильное усвоение которых потребует дополнительных усилий.

Поскольку снятие показаний и построение графиков занимают незначительное время (6—8 мин.) и по предварительным данным дают объективную оценку правильности произношения отдельных гласных, мы полагаем, что использование предложенного автоматического контроля соответствует основным дидактическим требованиям, предъявляемым к любой форме контроля знаний, умений и навыков студентов [см. 1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондаренко М. А. Дидактические основы организации программированного контроля знаний студентов. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. М., 1972. 24 с.
2. Плакунова Т. Е. Некоторые данные спектрального анализа сонорных согласных литовского языка (результаты статистической обработки). — В кн.: Спектральный анализ звуков речи и интонация. Изд-во Моск. ун-та, 1969, с. 150—158.
3. Рыльский Г. И., Сметанников И. П. Использование некоторых речевых признаков для задачи идентификации дикторов. — В кн.: Речевое управление. М., изд. ВЦ АН СССР, 1972, с. 121—128.
4. Урбелене А. Некоторые данные спектрального анализа долгих гласных литовского языка в ударном, предударном и заударном слогах. — В кн.: Спектральный анализ звуков речи и интонация. Изд-во Моск. ун-та, 1969, с. 172—184.
5. Фланаган Д. Л. Анализ, синтез и восприятие речи. М., «Связь», 1968. 327 с.

ОБ АНАФОРИЧЕСКИХ МЕСТОИМЕННИЯХ В СОВРЕМЕННОМ
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Любой связный текст опирается на ряд предметов и объектов мысли, которые повторяются на протяжении больших отрезков текста. Повторяющиеся смысловые компоненты являются семантическими средствами связи предложений, так как они создают семантическую целостность текста.

В обычной неэмфатической речи равнолексемные единицы для обозначения одного и того же объекта мысли, как правило, не употребляются. Анализ фактического материала показывает, что равнолексемное обозначение одного и того же объекта мысли происходит в следующих случаях.

Для избежания двусмысленности:

— Miss Browne seems quite capable....

— I meant Rose. Rose knew you were married? [1, p. 27].

Употребление местоимения *she* вместо второго слова *Rose* невозможно, иначе было бы неясно, с каким словом оно соотносится:

Rose или *Miss Browne*. Вот еще аналогичный пример: *Well, Mr. Welb just admires the way Dr. Gibbs knows everything about the Civil War. Mr. Welb's a good mind to give up Napoleon and move over to the Civil War...* [1, p. 32].

Для выделения данного слова, придания ему большей весомости, т. е. как стилистический прием:

— I tell you for the hundredth time you will never marry *my niece*.

— And I tell you for the thousandth time that I will marry *your niece*... [4, p. 185].

— Oh, Mama, you never tell us *the truth* about anything.

— I am telling you *the truth*. [5, p. 39].

—there's nothing to get motional about Pull yourself together, *the war's* over. Take a deep breath — *the war's* over.

— *The war's* over!! I don't believe you [4, p. 162].

Для обозначения одного и того же объекта мысли могут использоваться разнолексемные единицы с добавлением новых оттенков смысла. В таких случаях мы говорим о контекстуальных синонимах. Их описание и употребление — область изучения лексикологии. Грамматика же изучает способы выражения повторяющихся смысловых компонентов, которые не ведут к изменению смысла, стилистически нейтральны. Традиционно этот способ выражения повторяющихся смысловых компонентов называют замещением. С ним связывают употребление анафорических слов (местоименных, наречных, глагольных).

В работах современных западных лингвистов анафорические слова рассматриваются как один из видов синтаксической связи

предложений. Эту функцию они выполняют благодаря своей полной семантической идентичности antecedентам.

Трансформационная грамматика опровергает утверждения классической традиционной грамматики о том, что анафорические слова замещают antecedенты. Появление анафорических слов и, в частности, анафорических местоимений считается результатом трансформации прономинализации.

Непременным условием употребления анафорических местоимений является наличие в предложении (сложном) или последовательности предложений равносильных термов. (Термом называется слово или выражение, которое является именем объекта. Подробнее см.: Е. В. Падучева. О семантике синтаксиса. М., «Наука», 1974, с. 252). Второй терм заменяется анафорическим местоимением, если: а) замена исходного терма на местоимение не нарушает грамматических (и стилистических) норм выражения данного смысла; б) введение местоимения не делает предложение неоднозначным.

Обозначим равносильные термы, связанные анафорической связью, x и y . Терм y для удобства назовем коррелятом терма x , или antecedента. Метод подстановки глубинного предложения вместо предложения с анафорическим местоимением дает возможность выяснить, всегда ли термы x и y полностью тождественны (т. е. не только семантически, но и грамматически). Это, в свою очередь, даст ответ на вопрос, тождественны ли анафорические местоимения своим antecedентам, а также позволит выяснить степень обязательности их употребления.

Ввиду ограниченности объема статьи анализироваться будут только личные местоимения 3-го лица: *she, he, it*, так как они являются наиболее употребительными и составляют ядро системы анафорических местоимений.

1. Синтагматическое употребление местоимений

Сложноподчиненное предложение. *Doctor Handy was right, when he told you to cut out the redeye* [3, p. 42].

Коррелят глубинного предложения *Doctor Handy* полностью грамматически тождественен терму x — *Doctor Handy*. Таким образом, местоимение *he*, введенное вместо коррелята, полностью тождественно antecedенту. Это тождество можно выразить следующим образом: $x = y$; $x = pr_a$. Трансформация введения местоимения *he* в этом предложении является обязательной. Использование коррелята невозможно, так как это ведет к двусмысленности: *Doctor Handy was right when Doctor Handy told you....* Вот еще аналогичные примеры: *Nina, tell William how often I've talked about him* [3, p. 51]. *Is that portrait as good as I remember it?* [3, p. 151].

В некоторых случаях подстановка коррелята на место анафорического местоимения к двусмысленности не ведет: *if Ben comes in would you tell him I was taken ill* [3, p. 156]. *Don't ever come here*

again, If *your wild sister* comes here, send somebody else for *her* [3, p. 268]. It's hard to remember what *that feeling* was like because I've lost *it* now [3, p. 257]. Однако фактически именной коррелят в таких предложениях не употребляется: равнолексемное выражение повторяющихся компонентов, как уже отмечалось, используется в стилистических целях или обусловлено особенностями структуры предложения. В таких случаях можно говорить о меньшей степени обязательности анафорических местоимений.

В целом ряде случаев наблюдается несовпадение коррелята и антецедента по референциальному индексу. Референциальный индекс — это индивидуальное имя, служащее для отличения данного объекта от других того же класса (Е. В. Падучева. Указ. соч., с. 250):whenever I meet a *farmer* I ask *him* if *he* thinks it's important to go to Argiculture School to be a good farmer [4, p. 65]. Коррелятом термина *a farmer* и во втором, и в третьем предложении является *the farmer*, т. е. у сопоставляемых термов различный референциальный индекс — артикль. Это взаимоотношение коррелята и антецедента, а значит, анафорического местоимения и антецедента, можно изобразить так: $x \neq y$; $x \neq pr_a$. Вот еще примеры несовпадения референциального индекса у коррелята и антецедента: *no man* passes through this outfit till *he* had practice [4, p. 165]. Взаимоотношение антецедента и коррелята: *no man* — *a man*.

В случае личного *it* часто наблюдается несовпадение грамматической формы антецедента и коррелята: I know it's foolish to *imagine dreadful things* when there is no reason for *it* [3, p. 64]. Some people have to *show off* it's a passion with them [3, p. 232]. Глубинные предложения в приведенных примерах имеют форму: ... it's foolish to *imagine dreadful things* when there is no reason for *imagining dreadful things*. Some people have to *show off* — that *showing off* is a passion with them. Коррелят в обоих глубинных предложениях — герундий, образованный от инфинитива (терма *x*). Таким образом, анафорическое *it* не тождественно антецеденту, т. е. $x \neq y$, $x \neq pr_a$. Употребление именного коррелята здесь невозможно, так как это нарушает нормы языка, значит употребление анафорических местоимений в таких предложениях обязательно.

Последовательность предложений. *Your brother's coming, go out! He* can't come in! [3, p. 266]. What's the matter with *Jamie*? Have you been nagging at *him* again? [3, p. 60]. Now why did you have to say that? Making a rudeness about *my name*. Why couldn't you leave *it* alone? [2, p. 153].

Подстановка глубинного предложения показывает, что коррелят, а следовательно, и анафорическое местоимение, полностью тождественны антецеденту.

Сравним предложения: *Your brother's coming out! Your brother* can't come in! What's the matter with *Jamie*? Have you been nagging at *Jamie* again? Why couldn't you leave *my name* alone? making a rudeness about *my name*. Употребление коррелята вместо анафорических местоимений, возможно, не имеет явной стилистической ок-

раски. В этих случаях мы говорим о меньшей обязательности употребления анафорических местоимений.

It's just *that old crazy conjure man from Blue Mountain*. He can't mark your baby [3, p. 234]. *The stage of not remembering or speaking out of my heart* will come in time, I'm sorry to say. But I hope *it* hasn't come yet [3, p. 165]. Употребление анафорических местоимений *he*, *it* является обязательным: использование именного коррелята на месте местоимений невозможно даже в стилистических целях ввиду его громоздкости.

I remember *a bird* flown out of the moss and *its* wings made a shadow on her, and then *it* rung a single high clear note.... [3, p. 258]. There is *a cot* there. A nurse slept on *it* when Gabe had his first operation [3, p. 273]. Коррелятами антецедентов *a bird* и *a cot* являются *the bird* и *the cot*. Как видим, они различаются референциальным индексом, значит, не тождественны, т. е. $x \neq y$, $x \neq pr_a$. Употребление анафорического местоимения здесь не является обязательным; в таких случаях возможно употребление именного коррелята. Его употребление может и не быть стилистическим приемом, однако норм языка это не нарушает, так как повторяющийся смысловой компонент выражен неидентичными средствами.

2. Парадигматическое употребление

- I even forced myself to call on *Mr. Payson*.
- And what did *he* say? [3, p. 82].
- Do you like *my dress*, Ben?
- *It's* nice [3, p. 80].

Корреляты в приведенных выше предложениях полностью тождественны антецедентам. Употребление анафорического местоимения не является строго обязательным, возможно и употребление коррелята. Однако фактически именной коррелят в предложениях такого типа употребляется лишь с явно стилистической целью:

- *Mr. Antrobus*'ll be here this afternoon.
- *He's* alive!! *He'll* be here!
- And *Henry*?
- [Dryly] Yes, *Henry's* alive, too, that's what they say [4, p. 162—163].

Употребление именного коррелята *Henry* в последнем предложении — стилистический прием: говорящий хочет выделить это слово, выразить свое отрицательное отношение к названному герою.

- ... Tell us, is *your mother* pretty?.. Answer me, lad.
- Yes, *she* was [3, p. 61].
- Morning, Mrs. Gibbs. *Doc's* just coming down the street.
- Is *he*? [4, p. 26].
- I want to ask you, is *Carol Cutrere* in your drugstore?..
- No, *she* isn't [3, p. 261].

Во всех этих примерах коррелят полностью равноценен антецеденту. Употребление анафорического местоимения является строго обязательным. Подстановка именного коррелята в неполных предложениях невозможна, что обусловлено их структурным типом.

Итак, употребление анафорических местоимений как сигналов связи является в языке обязательным. Степень этой обязательности различна. Анафорические местоимения строго обязательны, когда подстановка именного коррелята невозможна (она либо делает предложение неоднозначным, либо нарушает нормы языка). В тех случаях, когда возможно употребление именного коррелята вместо анафорического местоимения (в стилистических целях), можно говорить о меньшей обязательности употребления анафорических местоимений.

Именные корреляты, а значит, и анафорические местоимения, не всегда полностью тождественны антецедентам: они могут различаться референциальным знаком или грамматической формой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Greene Graham. Three Plays. London, The Windmill Press, 1962. 237 p.
2. Plays of the Modern Theatre. L., «Просвещение», 1970. 205 p.
3. Three American Plays. M., Progress Publishers, 1972. 381 p.
4. Wilder Thornton. Plays. London, Cox & Wyman, 1968. 281 p.

В. Л. ЗИНОВЬЕВА

ДВУХОБЪЕКТНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ПОДЪЯЗЫКАХ ГАЗЕТНОЙ ХРОНИКИ, ДИАЛОГА, АВТОРСКОЙ РЕЧИ, ПОЭЗИИ И МАТЕМАТИКИ

В данной статье рассматриваются валентностные характеристики двухобъектных лексико-семантических вариантов глаголов типа to give, to tell и распределение этих глаголов в подъязыках газетной хроники, диалога, авторской речи, поэзии и математики. Как известно, эти подъязыки обладают различной коммуникативной направленностью, вследствие чего они отличаются набором лексических и синтаксических средств, их вероятностными спектрами и градуировкой реализации их валентностных признаков, что подтвердилось в результате исследования интересующих нас глаголов.

В связи с тем что сфера проводимого исследования охватывает несколько подъязыков, анализу были подвергнуты различные произведения английских и американских писателей (прозаиков, драматургов, поэтов) и математиков последнего 50-летия, а также пресса за последние 10 лет. Общая совокупность обследованных текстов составляет около 1 млн. словоформ. По принципу случайного отбора через равные интервалы производились выборки по 1000 словоформ, в которых регистрировалось употребление двухобъектных глаголов и изучалась реализация их валентности. Выборочная совокупность проанализированных текстов составляет около 500 тыс. словоформ (500 выборок).

Вначале было исследовано 50 выборки (по 10 в каждом подязыке), в которых регистрировалось употребление прямопереходных глаголов типа to give, to tell. Они отмечались в любых формах и конструкциях.

В результате были получены данные, свидетельствующие об особенностях статистической представленности указанных глаголов в разных подязыках. Проведенный анализ выявил большую неравномерность распределения исследуемых глаголов, их высокую избирательность к отдельным подязыкам. Результаты анализа представленности двухобъектных глаголов в сделанных выборках приведены в таблице.

Количество выборки, в которых встретился двухобъектный глагол в каждом подязыке

Глагол	Диалог	Газетная хроника	Авторская речь	Математика	Поэзия
give	9	9	9	9	10
tell	10	7	7	10	10
allow	1	3	—	1	1
bring	4	2	—	—	1
buy	5	—	2	—	—
hand	1	—	—	—	—
heliograph	—	—	—	—	1
offer	1	4	—	—	2
owe	—	—	1	—	—
pass	—	—	1	—	—
pay	1	4	—	2	1
send	3	1	3	—	1
show	2	6	4	6	1
sell	4	—	—	—	1
teach	—	—	—	—	1
write	1	—	—	—	—

Таблица показывает, что из 16 зарегистрированных лексем только 4 (give, pay, show, tell) отмечены во всех пяти подязыках. Чаще всего встречаются и наиболее равномерно распределены глаголы give и tell: глагол give отмечен в 41 выборке из 50 (всего 97 словоформ), глагол tell — в 29 выборках (63 словоформы). Однако в употреблении даже этих самых распространенных двухобъектных глаголов обнаруживаются значительные колебания в разных подязыках. Например, глагол tell встретился во всех 10 выборках в подязыке диалога (в количестве 35 словоформ), но в подязыке поэзии он был отмечен только в половине выборки (7 словоформ), а в подязыке математики зарегистрирован только один раз. Наибольшей равномерностью распределения отличается глагол give: в диалоге он зарегистрирован в 9 выборках (25 словоформ), в газете — в 9 выборках (23 словоформы), в авторской речи — в 9 выборках (18 словоформ), в математике — в 7 выборках (23 словоформы), в поэзии — в 7 выборках (8 словоформ.).

По степени представленности в тексте за глаголами give и tell идут глаголы show, pay, send, buy, allow, bring, offer, sell, write, 5 глаголов (hand, heliograph, owe, pass, teach) представлены только в одной выборке из 50 каждой.

По суммарной представленности двухобъектных глаголов подязыки характеризуются следующим образом. Чаще всего двухобъектные глаголы встречаются в подязыке диалога (101 словоформа

на 10 выборок), затем идут подъязыки газеты (65 словоформ), авторской речи (45), математики (41) и поэзии (27).

После описанного выше предварительного анализа был составлен список глаголов, которые были зарегистрированы в трех и более выборках из 50 и тем самым достигли порога неслучайного появления. В список вошло 10 глаголов (allow, bring, buy, give, offer, pay, sell, send, show, tell). Распределение этих глаголов было проверено на более обширном материале (количество выборок было увеличено в 10 раз). Попутно регистрировалось употребление в текстах двухобъектных глаголов, не вошедших в этот список. Всего было отмечено вдвое больше лексем, чем во время предварительного анализа, однако результаты последнего в основном подтвердились: все 10 названных глаголов оказались лучше всего представленными в исследуемых текстах и характер их распределения в отдельных подъязыках также остался без особых изменений.

Изучение конструкций лексем типа to give, to tell показывает, что по своим валентностным характеристикам эти глаголы не могут быть отнесены к какому-либо одному классу или группе глаголов. Эти слова имеют целый пучок лексических значений, но в речи любая словоформа глагола каждый раз встречается только в одном лексическом значении, и этот однозначный звуковой или графический комплекс, который обычно называется лексико-семантическим вариантом (ЛСВ) глагола, обладает вполне определенным набором валентностей. Например, ЛСВ глагола to give со значением «давать» имеет одну субъектную и две объектные валентности, т. е. он способен сочетаться со словом в функции подлежащего и с двумя словами в функции дополнения: This would give her the opportunity [5, p. 43]. А ЛСВ этого же глагола со значением «ослабевать» не имеет ни одной объектной валентности: The frost is giving [4, p. 526]. Поэтому при изучении валентностных характеристик каких-либо групп глаголов в сущности исследуются группы глагольных ЛСВ. В данной работе приводятся результаты исследования реализации валентностей лексико-семантических вариантов прямопереходных глаголов, имеющих кроме одной субъектной и нескольких факультативных адвербиальных, две объектные гетерогенные валентности, т. е. исследовались ЛСВ глаголов, способных вступать в две прямые объектные связи, одна из которых может трансформироваться в опосредованную (предложную), например: They sent me the little stick [3, p. 14]. His mother sent it to me [3, p. 14].

Рассмотрим кратко реализацию валентностей личных форм ЛСВ этих глаголов.

Субъектная валентность исследуемых ЛСВ реализуется в 98,4% конструкций. Как и в случаях с другими глаголами, эта универсальная глагольная валентность может оказаться нереализованной, если глагол употреблен в повелительном наклонении или в эллиптическом предложении: Don't tell me that again [1, p. 57].

В подъязыках авторской речи, газетной хроники и математики наблюдается почти стопроцентная реализация субъектной валентности, в поэзии реализация субъектной валентности составляет 97,1%, в диалоге — 95,3%.

Объектные валентности (обозначим их O_1 и O_2) являются специфическими для данных ЛСВ и реализуются в подавляющем большинстве случаев. Средняя реализация O_1 составляет 83,7%, O_2 — 89,8%. В реализации объектных валентностей в различных подъязыках наблюдаются значительные колебания. Например, в подъязыке математики личные формы глагола реализуют O_2 в 99,6%, а в авторской речи только в 75,2% случаев.

К факторам, отрицательно влияющим на реализацию объектных валентностей, относятся: а) употребление глагола в определительных придаточных предложениях, где может опускаться относительное местоимение, которое выполняет функцию дополнения: ... The consolations he offered were insufficient [2, p. 140]; б) употребление глагола в вводных придаточных предложениях: Forget it, I told you! [6, p. 438]; в) употребление глагола в словах автора после прямой речи: "If you couldn't", he told her, "you'd need a ...dog" [6, p. 431].

Факультативные адвербиальные валентности двухобъектных ЛСВ данных глаголов реализуются сравнительно редко (в 15,3% словосочетаний). Чаще всего наблюдаются адвербиальные связи ЛСВ исследуемых глаголов в подъязыке поэзии (33,1%), реже всего — в подъязыке математики (0,2%). Одновременная реализация двух адвербиальных валентностей наблюдается очень редко (она составляет менее 1%). Теоретически можно было бы предположить наличие трех и более адвербиальных валентностей у одного двухобъектного глагола, но при анализе фактического материала такие случаи не были зарегистрированы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gardner E. Hesitant Hostesses. London, Pan Books, 1965. 180 p.
2. Greene G. Travels with My Aunt. N.Y., Bantam Books, 1971. 308 p.
3. Hemingway E. A Farewell to Arms. Л., «Просвещение», 1971. 264 p.
4. Hornby A. S., Gatenby E. V., Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. London, Oxford University Press, 1958. 1528 p.
5. Maugham S. The Moon and Sixpence. Moscow, Progress Publishers, 1969. 240 p.
6. Morris J. Fever Grass. London, Odhams Books, 1970. 160 p.

В. И. КАРАВАШКИН

О НЕКОТОРЫХ КОМПОЗИТНЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ

Слово, будучи «основной единицей языковой реальности» [4, с. 19], включено в эту реальность как в систему взаимодействующих элементов.

Вопросы взаимодействия языковых элементов, их сочетаемости как элементов внешней и внутренней синтагматики представляют значительный теоретический и практический интерес. Г. Г. Почепцов справедливо замечает, что при таком подходе для описания существенны их валентностные особенности, в потенции принадлежащие слову в системе языка и реализуемые при включении слова в синтагматическую цепь [см. 2, с. 10]. Далее автор указывает на существенность такого рода свойств в синтаксической системе языка: даже сам процесс порождения предложения может быть представлен как его последовательное развертывание из некоторого исходного элемента на основе реализации валентностных потенций слов [см. 2, с. 10].

Не менее существенными являются валентностные особенности элементов для словообразования в целом (для словосложения в частности). Что касается процесса порождения сложных слов, то его можно представить, с нашей точки зрения, как последовательное свертывание некоторых исходных элементов на основе реализации их валентностных потенций.

Известно, что одни языковые элементы вступают в соединение с другими гомогенными или гетерогенными элементами (как в плане развертывания, так и в плане свертывания) избирательно. Эта избирательность обуславливается целым рядом факторов интралингвистического и экстралингвистического порядка. К числу внутрилингвистических факторов относятся, например, формальные закономерности соединения языковых элементов: генетические, структурные и другие.

В данной статье мы остановимся на некоторых генетических особенностях сочетаемости лексических основ во внутренней синтагме на примере каузальных композитов.

В настоящее время на материале различных языков доказывалось, что лексико-семантическая система того или иного языка определяет судьбу заимствованного слова, приспособляя его структуру (как формальную, так и смысловую) к своим потребностям см.: [1; 3; 5; 6].

Об общей тенденции реализации заимствований в немецком словообразовании речь идет в новейшей книге по лексикологии немецкого языка [9]. Авторы отмечают: «Was die Ableitungen angeht, so gibt es eine deutlich ausgeprägte Tendenz — die deutschen Affixe verbinden sich mit deutschen primären Stämmen, die fremden Affixe mit fremden Stämmen (oder mit fremden Pseudowurzeln und Restelementen)» [9, S. 152].

Что же касается сложных слов, то авторы видят между словосложением и словообразованием существенное различие: «Die determinativen nominalen Komposita enthalten oft UK verschiedener Herkunft» [9, S. 151].

Анализ нашего материала также подтверждает эту общую тенденцию: из общего количества единиц (277), участвующих в каузальном словосложении и образующих в разных соединениях

более 400 композит указанного типа, соотношение исконно немецких и заимствованных производящих основ выглядит следующим образом (см. таблицу).

В модели с адъективным ядерным компонентом в качестве ядерного компонен-

та выступают адъективные основы müde, rot, blaß, schwarz, steif, paß, grau и другие — всего 49 единиц различных семантических групп. Все они представляют собой слой исконно немецких единиц. Можно предположить, что заимствованные адъективные основы не проявляют валентность на каузальное словосложение, что объясняется их общим положением в лексической системе заимствующего языка, в связи с чем процесс их адаптации длителен и сложен: от единиц с нулевой валентностью — до полностью адаптировавшихся единиц.

Что касается первого компонента — субстантивных основ, — то здесь наблюдаются случаи использования заимствований. Из общего количества субстантивных основ (97), проявляющих внутреннюю валентность на каузальное словосложение, мы зарегистрировали 11 единиц, заимствованных из разных языков: Semester, Metall, Öl, Pulver — из латинского (semestermüde, metallschwarz); Atom, Krise, Europa — из греческого (atomkrank); Nikotin, Tabak, Marsch — из французского (nikotingelb, marschkrank, tabakbraun). По существу все они — интернационализмы, широко употребительные и понятные носителям различных языков. Так, по данным К. Геллера, большинство вышеназванных единиц широко употребительны и понятны в английском, немецком, французском, русском и шведском языках [см. 7, с. 38].

Употребление заимствованных единиц в качестве первого компонента можно, на наш взгляд, объяснить грамматической нейтрализацией первого компонента в составе композит.

Всю грамматическую нагрузку несет на себе исконно немецкий ядерный компонент, обладающий совокупностью признаков своего категориального класса. Заимствованные же единицы, проходя длительный процесс адаптации, как правило, не приобретают полностью всех признаков соответствующих категорий в языке-рецепторе. Поэтому полная ассимиляция всей композиты, т. е. заимствованной субстантивной основы и адъективного ядерного компонента, не является обязательно необходимой для образования сложных слов.

Единичные случаи вербальных основ в качестве первого компонента адъективных композит schreib(en), schlag(en), lach(en), wart(en) представляют собой только исконные единицы.

В модели с вербальным ядерным компонентом в качестве ядерного компонента выступают глаголы lau-

Производящие основы	Общее количество	Из них	
		исконные	заимствованные
субстантивные	97	86	11
адъективные	61	59	2
глагольные	60	60	—
причастные	59	59	—

fen, schlagen, reiben, singen и другие — всего 54 глагола, принадлежащих к слою исконно немецких единиц, различных семантических групп.

Первым компонентом выступают 30 адъективных основ, из них 29 (96,6%) принадлежат к слою исконно немецких лексем. Одна единица (3,4%) — kaputt — является заимствованной. Эта пришедшая из французского языка лексема подверглась в разговорной речи такой адаптации, что многие носители языка не воспринимают ее как заимствованную. Подвергшись ассимиляции, указанная лексема приобретает способность: а) вступать в композитные отношения с другими заимствованными единицами. Так, kaputt образует композитный ряд: kaputtgehen, kaputtschlagen, kaputtschmeißen, sich kaputtwirtschaften... б) принимать флектированную форму в атрибутивной функции: «Heinrich Graumann lehnte das kaputte Kaiserreich noch nachträglich ab» [8, S. 2040].

Очевидно, относительно полным вхождением этой единицы в лексико-семантическую систему языка-рецептора можно объяснить «одноразовое» образование schlagkaputt (A. Seghers).

Таким образом, заимствованные единицы, как правило, не проявляют внутреннюю валентность на каузальное глагольное словосложение с адъективным первым компонентом, хотя потенциальная возможность существует.

В модели с причастным ядерным компонентом конструктами выступают: в качестве ядерного компонента — второ- и первопричастные формы, в качестве первого компонента — именные основы (субстантивные и адъективные).

В модели $S + P_2$ первым компонентом выступают 34 субстантивных основы различных групп, из них 4 единицы принадлежат к заимствованным единицам — Metall, Pulver, Öl, Krise, т. е. это та же группа интернационализмов и заимствований, которые проявляют валентноспособность на каузальное словосложение в модели с адъективным ядерным компонентом.

Остальные 30 единиц — Angst, Wut, Schmerz, Wetter и другие — принадлежат к слою исконной лексики.

Второй компонент — второпричастные формы исконно немецких глаголов различных семантических групп — getrübt (trüben), erweitert (erweitern) и др. Общее количество — 43 единицы.

В модели $S + P_1$ вторым компонентом выступают первопричастные формы исконно немецких глаголов — bebend (beben), glühend (glühen), wütend (wüten), schnaubend (schnauben) и др. Всего 16 единиц.

Первым компонентом выступают исконно немецкие субстантивные основы — Zorn, Freude, Liebe, Haß, Regen, Frost, Glück и др. Всего 19 единиц.

В модели $A + P_2$ вторым компонентом выступают второпричастные формы исконо немецких глаголов — geweint (weinen), gefroren (frieren) и др. Всего 21 единица.

Первым компонентом выступают 18 адъективных основ, из них: blaß, blau, heiser, müde, weich, paß и др. (всего 17 единиц) — исконно немецкие. Одна единица — lila — относится к слою заимствованной лексики. Она была заимствована еще в XVIII в. из французского языка. Она прошла длительный путь адаптации в системе немецкого языка, в результате чего в современном немецком языке, по данным словаря [8], приобретает способность: а) вступать в композитные ряды (lilafarben, lilafarbig); б) принимать флектированную форму в атрибутивной функции (ein lila(n)er Pullover; Die Sessel sind mit lila(n)em Stoff bezogen).

Далее это прилагательное употреблено в других функциях: Die Krokusse blühten gelb und lila. Sie hat eine Vorliebe für Lila, а также в переносном значении (saloppenscherzhaft):

— Wie geht es dir?

— Danke, lila (mittelmaßig).

Таким образом, мы убеждаемся в том, что после включения заимствованных единиц в лексико-семантическую систему заимствующего языка они «подчиняются общим закономерностям развития данной системы...» [6, с. 158].

Итак, с точки зрения генезиса производящие основы иноязычного происхождения в качестве ядерного компонента в каузальном словосложении не участвуют, что объясняется их особым статусом в лексической системе заимствующего языка. Возможность употребления их в качестве неядерного компонента объясняется целым рядом факторов как экстралингвистического, так и интралингвистического порядка, среди которых не последнюю роль играет грамматическая нейтрализация первой основы сложного слова, что является одним из основных словообразовательных признаков словосложения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефимов Р. В. Словообразовательные потенции глагола (Анализ от адъективных префиксальных глаголов в современном немецком языке). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1971. 34 с.
2. Почепцов Г. Г. Синтагматика английского слова. Киев, «Вища школа», 1976. 109 с.
3. Розен Е. В. Новое в лексике немецкого языка. М., «Просвещение», 1971. 238 с.
4. Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики. М., «Выш. школа», 1968. 200 с.
5. Фомина М. И. Лексика современного русского языка. М., «Выш. школа», 1973. 152 с.
6. Чернышева И. И. Иноязычная лексика в лексико-семантической системе языка. Тезисы докладов научной конференции в МГПИИЯ. Ч. 2. М., 1971. 193 с.
7. Heller K. Das Fremdwort in der deutschen Sprache der Gegenwart. Leipzig, VEB Bibliographisches Institut, 1966. 186 S.
8. Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin, Akademie-Verlag, 1970. 2412 S.
9. Stepanova M. D., Tschernyschewa I. I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. M., «Hochschule», 1975. 272 S.

**О ФОРМИРОВАНИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ПУТЕМ
МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА НАИМЕНОВАНИЙ НА ОСНОВЕ
СХОДСТВА ПО ФОРМЕ**

Из проблем, связанных с образованием терминов различных подсистем языка, метафорическому переносу наименований из общелитературного языка в специальную терминологию уделяется особое внимание. Этой актуальной проблеме посвящен ряд работ отечественных лингвистов [напр., 1, 2]. В частности, исследование В. Я. Ерохиной, проведенное на материале немецкой железнодорожной терминологии, освещает вопросы, связанные с лексической омонимией, со специфическими особенностями терминов в отличие от нетерминов, с видами смысловых взаимоотношений между общеупотребительными словами и терминами и границей слова [2].

Цель данной статьи — показать на основе статистического анализа продуктивность компонентов общеупотребительной лексики в образовании железнодорожной терминологии, структурные и семантические особенности терминов данной категории и выделение их в терминологические группы.

Из 25 тыс. терминов, вошедших в немецко-русский железнодорожный словарь [2], около 800 образованы путем метафорического переноса наименования одного из их компонентов. Эти данные свидетельствуют о том, что железнодорожные термины данной категории занимают значительное место в общей немецкой железнодорожной терминологии и метафорический перенос наименований на современном этапе развития языка является одним из продуктивных семантических способов формирования железнодорожных терминов.

Н. С. Родзевич, исследуя метафоризацию слов-терминов ботанической и медицинской подсистемы языка, приходит к выводу, что каждая область терминологии использует в основном какую-то одну определенную сферу метафорических наименований. Так, например, он указывает, что ботаническая и медицинская терминологии имеют тенденцию к использованию названий животного мира, а машиностроение и ряд смежных наук широко используют названия органов человеческого тела, предметов одежды, животных [4].

Анализ фактического языкового материала [3] позволяет утверждать, что для формирования немецких железнодорожных терминов путем метафорического переноса наименований продуктивно используются следующие тематические группы слов, обозначающие названия (цифра в скобке указывает количество зарегистрированных терминов и терминологических словосочетаний): а) орган человеческого тела: Körper (30), Kopf (119), Arm (27), Hand (16), Fuß (43), Sohle (16), Hals (13), Stirn (59), Nase (7), Zunge (49), Zahn (42), Schenkel (9), Herz (5), Lippen (4); б) одежды: Mantel (35), Schuh (27), Hemd (9); в) животных и насекомых: Hahn (19), Hund (9), Katze

(8), Raupе (5), Wurm (6); г) предметов домашнего обихода: Gabel [(21), Teller (9); д) геометрических фигур: Kreis (21), Ring (14).

Самой продуктивной из этих групп является группа, обозначающая органы человеческого тела.

Общеизвестно, что процесс метафоризации без изменений слов определяется разнообразным видом отношений, из которых весьма распространенным является перенос наименований по сходству. Оно может быть разносторонним: чисто внешним (по форме, месту расположения частей предмета в целом предмете) или внутренним (по общности функций). Материал немецкой железнодорожной терминологии подтверждает это определение и позволяет классифицировать железнодорожные термины данной категории в следующие группы слов-терминов, образованных на основе сходства: а) по форме, б) по функции, в) по месту расположения частей предмета в целом предмете.

Мы остановимся на группе терминов, образованных на основе сходства по форме, так как эта группа является самой продуктивной в данной категории. Из 800 терминов этой категории, зафиксированных в немецко-русском железнодорожном словаре [2], 428, т. е. 69%, образованы на основе сходства по форме.

Наиболее продуктивным компонентом этой категории терминов является Zunge — язык (в общеупотребительном значении). Переходя в область научно-технической терминологии, в частности железнодорожной, слово Zunge выступает в значении «остряк, острие стрелки». Термины, образованные с компонентом Zunge, представлены сложными терминами и свободными словосочетаниями: из 49 терминов 7 — свободные словосочетания, 40 — сложные термины и один — корневой термин.

Термины с компонентом Zunge в зависимости от их семантики, могут, на наш взгляд, быть объединены в тематические группы, обозначающие: а) конкретное название предмета (Zunge — остряк или перо остряка; abliegende Zunge — отведенный или отжатый остряк; Zungenplatte — подушка скольжения остряка; Zungenspitze — острие стрелки); б) состояние предмета как результат действия (Zungenschluß — прилегание остряка; Zungenkupplung — стрелочная связь); в) оборудование, механизм (Zungenprüfer — устройство контроля прилегания стрелочных остряков; Zungenweiche — стрелочный перевод с остряками); г) деталь (Zungensstütze — упорный болт остряка; упор остряка; Zungenkolben — щека остряка); д) прибор (Zungenriegel, Zungensperre — стрелочный указатель; Zungenfrequenzrelais — резонансное реле, язычковое реле).

На русский язык сложные термины с компонентом Zunge переводятся атрибутивными словосочетаниями: Zungendrehpunkt — центр вращения *остряка*; Zungenangriffstange — переводная тяга стрелочных *остряков*.

Интересно отметить, что структурная особенность компонента Zunge заключается в том, что в сложных терминах он всегда опре-

деляющий, а в свободных словосочетаниях — определяемый. *Federnde Zunge* — пружинящий *остряк*; *abliegende Zunge* — прилежащий или отжатый *остряк*; *Zungenaufschlag* — шаг *остряка*; *Zungenwurzel* — корень *остряка*.

Рассмотрим структурно-семантические особенности менее продуктивного компонента этой группы слов: слова *Nase* — нос. В роли термина, в частности железнодорожного, *Nase* имеет довольно разнообразную семантику, а именно: нос; носик; прилив (тягового двигателя с опорной подвеской); усик (болта); выступ; шип; ус, головка (шпонки).

Анализ терминологии с компонентом *Nase* показал, что слово *Nase* в роли технического термина малопродуктивно: так, в немецко-русском железнодорожном словаре [2] зарегистрировано четыре сложных термина с компонентом *Nase*, в электротехническом [5] — один, в теплотехническом [6] — четыре, в то время как в медицинской терминологии этот компонент используется широко: немецко-русский медицинский словарь [7] дает 116 производных и сложных терминов с компонентом *Nase*.

Структурная особенность сложных железнодорожных терминов с компонентом *Nase* заключается в том, что во всех терминах оно является определяющим, сложные термины с этим компонентом переводятся атрибутивным словосочетанием: *Nasenschiene* — рельс с уступом, рельс с носом; *Nasenschraube* — винт со стопорным усом; *Nasenkolben* — поршень с уступом на днище, поршень с козырьком.

По своей тематике термины с компонентом *Nase* можно выделить в тематические группы, обозначающие: а) конкретное название предмета (*Nasenaufhängung* — опорноосевая подвеска, подвеска за носик; *Nasenschiene* — рельс с уступом, рельс с носом); б) деталь (*Nasenkeil* — клиновья шпонка с приливами; *Nasenschraube* — винт со стопорным усом).

Кроме названий человеческого тела, на основе сходства по форме употребляются и другие слова общенационального языка в качестве терминов или компонентов сложных терминов; названия одежды, геометрических фигур, животных, насекомых. Например, слово *Ring* в геометрии обозначает «круг», в электротехнике — «замкнутая цепь», а как компонент сложных железнодорожных терминов образует целый ряд различных терминов: *Ringanker* — кольцевой якорь; *Ringsbahn* — окружная железная дорога; *Ringdrucklager* — упорный подшипник; *Ringschuppen* — веерное локомотивное депо.

Все железнодорожные термины с компонентом *Ring* в зависимости от их семантики можно выделить в тематические группы, обозначающие: а) конкретное название предмета (*Sperring* — стопорное кольцо; *Führungsring* — направляющее кольцо); б) деталь (*Staubring* — пылевая шайба); в) узлы и механизмы устройств (*Ringdüse* — кольцевое сопло; *Ringdrucklager* — упорный подшипник; *Ringscheiber* — кольцевой золотник).

Что касается структуры сложных терминов с компонентом, то необходимо отметить, что он используется в терминотворчестве как в качестве определяемого, так и определяющего: из 55 сложных терминов с этим компонентом, зарегистрированных в немецко-русском железнодорожном словаре [2], в 60% этих терминов компонент Ring является определяющим.

Как видим, железнодорожные термины, образованные путем метафорического переноса наименований на основе сходства по форме, занимают значительное место в формировании железнодорожной терминологической лексики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ерохина В. Я. Смысловые взаимоотношения между словами-терминами и словами-нетерминами. Пособие по развитию навыков устной речи. Днепропетровск, 1973. 89 с.
2. Левковская К. А. Именное словообразование в современной немецкой общественно-политической терминологии. М., «Высш. школа», 1960. 319 с.
3. Немецко-русский железнодорожный словарь. М., Гостехтеориздат, 1957. 531 с.
4. Немецко-русский электротехнический словарь. Изд. III, М., «Сов. энциклопедия», 1968. 868 с.
5. Немецко-русский теплотехнический словарь. М., «Сов. энциклопедия», 1964. 512 с.
6. Немецко-русский медицинский словарь. М., «Сов. энциклопедия», 1970. 707 с.
7. Родзевич Н. С. Метафора — спільне джерело творення термінологічної лексики в слов'янських і західноєвропейських мовах. — У кн.: Дослідження з лексикології та лексикографії. Київ, «Наукова думка», 1965, с. 137—156.

З. Н. ЛИПКО

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ-АНТЕЦЕДЕНТОВ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

(На материале пяти подъязыков)

В настоящей работе, которая является частью более обширного исследования, посвященного сочетаемости личных местоимений с определенными семаклассами (С/К) глаголов на разных уровнях, рассматривается соотносительность личных местоимений с определенными С/К антецедентов: имени деятеля (*Sm*), собирательных (*Sc*) и абстрактных (*Sa*) существительных и случаев с синтаксическим словом-морфемой *it* (*So*) в подъязыках прозы (П) (авторское повествование), диалога (Д), хроники (Х), спорта (С) и радиофизики (Р), а следовательно, в трех функциональных стилях, представляемых этими подъязыками: литературно-художественном (П, Д), публицистическом (Х, С) и научном (Р).

Своеобразие местоимений и их отличие от других частей речи заключается в их обобщенно-дейктическом значении. Как показало проведенное нами исследование, поведение указанных С/К анте-

цедентов в различных подъязыках и функциональных стилях неоднородно, и они обнаруживают довольно четкие и контрастные дистрибутивные характеристики.

Данные коррелятивных функций (КФ) дают возможность распределения С/К существительных-антецедентов по зонам: отрицательной (—), нейтральной (=) и положительной (+).

ОКО (относительное квадратичное отклонение) колеблется от 1 до 30%. За нейтральную зону эмпирически принимаем интервал 0,80—1,25.

Значение отрицательного вероятностно-дифференциального признака (ВДП) наблюдается у С/К собирательных существительных, абстрактных и синтаксических слов-морфем субстантивного характера в подъязыках прозы (КФ $Sc = 0,04 \pm 0,04$; $Sa = 0,24 \pm 0,15$; $So = 0,16 \pm 0,06$) и диалога (КФ $Sc = 0,20 \pm 0,07$; $Sa = 0,09 \pm 0,07$; $So = 0,20 \pm 0,06$), представляющих литературно-художественный стиль.

Зональное распределение существительных-антецедентов по подъязыкам

	п	д	х	с	р
Sm	=	=	=	=	—
Sc	—	—	+	+	—
Sa	—	—	=	—	+
So	—	—	=	=	+

Как видно из таблицы, С/К имени деятеля оказывается в отрицательной зоне только для подъязыка радиофизики (КФ $= 0,76 \pm 0,03$) (научный стиль). Относительно других подъязыков данный С/К индифферентен.

Значение положительного ВДП имеют С/К собирательных существительных в подъязыках хроники (КФ $= 2,21 \pm 0,35$) и спорта (КФ $= 2,54 \pm 0,36$) (публицистический стиль); С/К абстрактных существительных и синтаксических слов-морфем в подъязыке радиофизики (КФ $Sa = 3,47 \pm 0,97$; КФ $So = 2,98 \pm 0,30$) (научный стиль).

Распределение семаклассов-антецедентов можно осуществить по следующим критериям, а именно:

1. По положительной избирательности функционирования в данном подъязыке или стиле: Sc — хроника, спорт (публицистический стиль); Sa , So — радиофизика (научный стиль).

2. По отрицательной избирательности функционирования в данном подъязыке или стиле: Sm — радиофизика (научный стиль); Sc — проза, диалог (литературно-художественный стиль) и радиофизика (научный стиль); Sa — проза, диалог (литературно-художественный стиль), спорт (публицистический стиль); So — проза, диалог (литературно-художественный стиль).

Как видно из данного распределения С/К антецедентов, литературно-художественный и научный стили отличаются от публицистического по С/К собирательных имен существительных. Научный стиль отличается от литературно-художественного и публицистического

ского стилей по С/К абстрактных существительных и С/К со словом-морфемой. Избегание С/К имени деятеля подъязыком радиофизики свидетельствует о том, что для подъязыка науки характерна безличность сообщения о научных открытиях, процессах, явлениях и т. п. Это и отличает данный подъязык от других.

Преобладание С/К собирательных существительных в подъязках хроники и спорта объясняется, вероятно, подъязыковой тематикой. Например, в подъязыке хроники широко представлены такие существительные-антецеденты, как *government, police, organization* и др., а в подъязыке спорта — *team, group, association*, что обусловлено природой денотата (экстралингвистическим фактором).

Отрицательная специфичность данного С/К в подъязках художественной и научной прозы, а также диалогической речи объясняется, с одной стороны, содержательной стороной этих подсистем (речь обычно идет о единичных предметах, приборах, системах), с другой стороны, — семантикой существительных данного С/К (интралингвистическим фактором).

Причину отрицательного значения ВДП у С/К абстрактных существительных и синтаксических слов-морфем субстантивного характера в подъязках прозы и диалога и положительного значения ВДП у этих С/К в подъязыке радиофизики и следует искать в лексической и грамматической характеристике указанных С/К существительных, а также в своеобразии научного стиля, характеризующегося обилием терминологической и абстрактной лексики, например: *process, weight, quantity* и т. д.

Таким образом, дистрибуция С/К существительных по функциональным стилям и подъязыкам является существенным параметральным признаком, свидетельствующим о специфике функциональных стилей.

Наши данные дают возможность высказать мысль о том, что наряду с системой стилистических средств, различающих функциональные стили (специфическая лексика, фразеологические обороты, грамматические конструкции и т. п.), к вышеназванной системе средств следует добавить: 1. Наличие — отсутствие подлежащих с личным или безличным значением. 2. Наличие — отсутствие подлежащих со значением единичного или обобщенного. 3. Наличие — отсутствие подлежащих со значением конкретного или абстрактного.

Следовательно, наличие или отсутствие С/К существительных-антецедентов в том или ином подъязыке объясняется как экстралингвистическим, так и интралингвистическим факторами, а именно: характером соотношенности существительного с личным местоимением, обусловленным подъязыковой тематикой и семантикой существительных-антецедентов.

НЕКОТОРЫЕ ДИСТРИБУТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ

(На материале пяти подъязыков)

Для выяснения и сопоставления комбинаторных свойств предиктивной пары — личное местоимение + глагол — целесообразно сначала изучить характер и специфику дистрибуции английских глаголов в различных подъязыках: прозы (авторское повествование) (П), диалога (Д), спорта (С), хроники (Х) и радиофизики (Р) и в функциональных стилях, представляемых этими подъязыками.

Для исследования нами выделены определенные семаклассы (С/К) глаголов: 1. Глаголы передвижения (*Vm*) субъекта в пространстве, например: to go, to come, to walk. 2. Глаголы перемещения (*Vtr*), основным содержанием которых является перемещение субъектом объекта в пространстве: to put, to carry, to bring. 3. Глаголы информации и речи (*Vin*), содержание которых заключается в передаче сообщения: to say, to speak, to ask, to report, to answer. 4. Глаголы, выражающие мыслительные процессы (*Vth*): to know, to think, to decide. На основе данных КФ получаем вероятностно-дифференциальные признаки (ВДП) для каждого семакласса (С/К) глаголов (см. табл. 1). Зональное распределение С/К глаголов по подъязыкам представлено в табл. 2.

Таблица 1

	П		Д		Х		С		Р	
	КФ+АКО	ОКО, %	КФ+АКО	ОКО, %	КФ+АКО	ОКО, %	КФ+АКО	ОКО, %	КФ+АКО	ОКО, %
<i>Vm</i>	1,88+0,30	16	0,97+0,14	14	0,55+0,01	26	1,08+0,19	18	0,52+0,19	36
<i>Vtr</i>	1,96+0,55	28	0,75+0,21	28	0,65+0,02	38	1,11+0,44	40	0,54+0,24	45
<i>Vin</i>	0,74+0,09	13	0,46+0,07	15	1,96+0,16	8	0,72+0,09	12	1,12+0,17	15
<i>Vth</i>	0,69+0,12	17	2,33+0,21	9	0,48+0,11	23	0,60+0,10	17	0,89+0,15	17

КФ — коррелятивная функция; АКО — абсолютное квадратичное отклонение; ОКО — относительное квадратичное отклонение.

Таблица 2

	<i>Vm</i>	<i>Vtr</i>	<i>Vin</i>	<i>Vth</i>
П	+	+	=	=
Д	=	=	—	+
Х	—	—	+	—
С	=	=	=	—
Р	—	—	=	=

(—) — отрицательная, (=) — нейтральная, (+) — положительная зона. За нейтральную зону эмпирически принимаем 0,80—1,25.

Как следует из таблиц, по использованию глаголов передвижения и перемещения подъязык художественной прозы противопоставлен подъязыкам хроники и научной прозы.

Преобладание глаголов передвижения и перемещения в художественной прозе (литературно-художественный стиль) свидетельствует о ее динамичности и о том, что повествование о событиях, состоянии героев и т. п. занимает большое место в прозе и противопоставлено логическому,

более сухому и строгому изложению политических событий и научных фактов в подъязыках хроники и радиофизики. В остальных подъязыках данные С/К глаголов не проявляют, по нашим данным, интересных характеристик.

Глаголы информации и речи, с одной стороны, противопоставлены глаголам, выражающим мыслительные процессы в подъязыках диалога и хроники, с другой стороны, — они являются стилеразличительным признаком, находясь в диаметрально противоположных зонах.

Для подъязыка спорта по результатам нашего анализа глаголы, выражающие мыслительные процессы, не характерны. Остальные глаголы показали довольно неопределенную картину.

Выделенные нами в вышеназванных подъязыках С/К глаголов могут быть подразделены на ряд групп по следующим критериям:

1. По избирательности функционирования в подъязыках. Отрицательной избирательностью обладают: *Vm* и *Vtr* — в радиофизике и хронике; *Vin* — в диалоге; *Vth* — в хронике и спорте.

Положительной избирательностью обладают: *Vm* и *Vtr* — в прозе; *Vth* — в диалоге; *Vin* — в хронике.

2. По избирательности стилового функционирования.

Отрицательной избирательностью обладают: *Vin* — литературно-художественный стиль; *Vm*, *Vtr* — научный и публицистический стиль; *Vth* — публицистический стиль.

Положительной избирательностью обладают: *Vth*, *Vm*, *Vtr* — литературно-художественный стиль; *Vin* — публицистический стиль (представленный только подъязыком хроники).

3. По избирательности потенциального функционирования в подъязыке.

Слабой отрицательной избирательностью обладают: *Vin* — в прозе и спорте; *Vth* — в прозе и радиофизике; *Vtr* — в диалоге.

Слабой положительной избирательностью обладают: *Vm* — в спорте; *Vin* — в радиофизике.

Данное распределение С/К глаголов по трем указанным критериям свидетельствует о том, что: 1. Место и роль определенного С/К глаголов в том или ином подъязыке определяется взаимодействием семантики глагола и характером тематики подъязыка. 2. Семантическая группировка определенных С/К глаголов в каждом из подъязиков показывает картину реального отражения в языке действий, процессов, явлений, происходящих в определенных сферах объективного мира, например: для повествования характерны глаголы передвижения и перемещения, для хроникальных сообщений — глаголы информации и речи, для диалогической речи — глаголы мышления и т. д. 3. Дистрибуция выделенных С/К на уровне подъязыка определяется взаимодействием интра- и экстралингвистических факторов. 4. Дистрибуция С/К глаголов в различных подъязыках и функциональных стилях служит ВДП (вероятностно-дифференциальным признаком) подъязиков и функциональных стилей.

Например, наличие — отсутствие глаголов со значением передвижения и перемещения является признаком, отличающим подъязык прозы от подъязыка хроники и радиофизики, а следовательно, и литературно-художественного стиля от публицистического и научного; или наличие — отсутствие глаголов информации и глаголов, выражающих мыслительные процессы, выступает как показатель различия подъязыков диалога и хроники, а соответственно, и стилей — литературно-художественного и публицистического.

Для литературно-художественного стиля характерно ограниченное использование глаголов информации в противоположность публицистическому стилю, где преобладают глаголы данного С/К.

Научный и публицистический стили, по нашим данным, характеризуются незначительным удельным весом глаголов передвижения и перемещения и тем самым противопоставлены литературно-художественному стилю. Таким образом, количественный и качественный характер использования так называемой нейтральной лексики в различных подъязках и представляемых ими функциональных стилях дает основание полагать, что характеристики функционального стиля связаны не только с комплексом специфических лексико-грамматических средств языка, но и с особым распределением и функционированием стилистически немаркированных средств (в нашем случае — определенных С/К глаголов) в границах подъязыков и стилей.

Следовательно, и нейтральные средства языка наряду с отмеченными лексико-грамматическими средствами могут служить стилеразличительным признаком, а также важным количественным показателем отличия одного подъязыка от другого, что расширяет и усложняет сложившееся в науке представление о функциональных стилях.

В. Н. МОЛОДЕЦ

КЛАССИФИКАЦИЯ СИНОНИМОВ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ ПО ИХ СТРУКТУРЕ

Исследования русской и немецкой лингвистической терминологии показывают, что характерной особенностью этой подсистемы языка является синонимия [см. 6, с. 16—17]. Синонимы возникли в результате калькирования иноязычных заимствований и получили впоследствии широкое развитие на базе соответствующего национального языка. В итоге длительного исторического процесса в каждом из рассматриваемых языках образовались нередко длинные синонимические ряды, отражающие это сложное развитие лингвистической терминологии.

Мы думаем, что классификацию синонимов лингвистических терминов нельзя проводить по семантическому принципу, поскольку все они принадлежат к разряду синонимов с единым предметно-логическим содержанием; ее можно осуществить, опираясь только на

признаки материального воплощения синонимов: либо на язык-источник, либо на структуру. В данной статье предлагаем классификацию синонимов по их построению.

1. По морфемному составу терминов.

1. Синонимы, представляющие собой сложные слова в составе одной общей и одной разной корневых морфем при общей аффиксальной [см. 1, с. 230—231], например: а) в русском языке: *двучленное предложение* — *двусоставное предложение*, *общеславянский* — *праславянский*. Как показывает анализ русской лингвистической терминологии, в ней имеется мало подобных синонимических пар (нами обнаружено всего 14 пар на 30 тысяч терминологических единиц), что объясняется, на наш взгляд, сравнительно небольшим количеством в ее составе сложных слов, т. е. отсутствием широкой базы для подобного явления; б) в немецком языке: *Mehrdeutigkeit* — *Vieldeutigkeit* — *Zweideutigkeit* (*полисемия*), *Neubildung* — *Neuschöpfung* — *Neuprägung* (*неологизм*). Всего нами зафиксировано 23 пары и группы синонимов на 35 тысяч немецких терминологических единиц.

2. В особую группу следует выделить синонимы русских и немецких лингвистических терминов, отличающихся друг от друга оттенками значения благодаря тому, что они содержат общее определяемое слово (в русских словосочетаниях) или общий определяемый компонент (в сложных немецких словах) и варьируют синонимические атрибуты, выраженные прилагательными или существительными в родительном падеже (в русских словосочетаниях) и определяющим компонентом (в сложных немецких словах). Вследствие такой замены пары и группы синонимов лингвистических терминов характеризуются с разных сторон, например: а) в русском языке: *внутренняя флексия* — *флексия основы*, *сокращенная форма* — *усеченная форма* — *свернутая форма*; б) в немецком языке: *Satzfrage* — *Totalfrage* (*общий вопрос*), *Verstärkungswort* — *Steigerungswort* (*усилительное слово*). Следует заметить, что в немецкой лингвистической терминологии этот вид синонимов весьма многочислен, поскольку имеется широкая база для такого явления.

Характерной особенностью немецких лингвистических терминов этого типа является тот факт, что варьируемой частью в сложных словах могут выступать не только определяющие компоненты, но и определяемые при постоянных определяющих, причем таких терминов значительно больше. Благодаря этому обстоятельству немецкие синонимы-эквиваленты русского слова выражают такие оттенки значения, которых нет в соответствующем русском термине, например: *письменность* — *Schrift* — *Schriftsprache* — *Schriftsystem* — *Schrifttum*, *рифма* — *Reim* — *Reimsilbe* — *Reimpaar* — *Reimfolge*.

Варьируемые компоненты немецких сложных слов могут быть либо синонимами на иноязычной основе, либо дублетами (интернациональное слово — немецкий эквивалент), либо синонимами на немецкой основе, например: *Haploglogie* — *Haplolalie* (*гаплоглогия*),

Adverbialsatz— Umstandssatz (*обстоятельственное придаточное предложение*), Erstlingsdruck — Wiegendruck (*инкунабула*).

Нередко варьируемые компоненты не являются синонимами в отрыве от данного сложного слова, т. е. представляют собой контекстуальные синонимы, как, например, в следующей группе синонимических лингвистических терминов: Wortfeld — Bedeutungsfeld — Begriffsfeld (*семантическое поле*).

3. Синонимы, имеющие разные корневые морфемы при общей аффиксальной (иногда одновременно двух — префикса и суффикса), например: а) в русском языке: *несклоняемое прилагательное* — *неизменяемое прилагательное*, *слияние диалектов* — *схождение диалектов*; б) в немецком языке: Absatz — Abglitt (*отступ*), Nachstellung — Nachsetzung (*постпозиция*), Zusammenstreben — Zusammenlaufen (*конвергенция*).

Как явствует из приведенных примеров, этот вид синонимов как в русской, так и в немецкой лингвистической терминологии состоит в основном из исконно русских и немецких слов и калек иноязычных терминов.

4. Синонимы, имеющие в своем составе по одной общей корневой морфеме и различающиеся не разными корневыми морфемами, а наличием в одном слове особой корневой морфемы, а в другом — особой аффиксальной, например: а) в русском языке: *американист* — *американовед*, *американистика* — *американоведение*, *славист* — *славяновед*, *славистика* — *славяноведение*; б) в немецкой лингвистической терминологии встречаются те же синонимические пары, однако тогда, как в русском языке оба синонима одинаково употребительны, в немецком языке формы с корневой морфемой -log-используются значительно реже: Amerikanist — Amerikanologie, Amerikanistik — Amerikanologie.

Исключением из списка синонимических пар такого рода являются некоторые немецкие термины, не имеющие синонимов от одной общей корневой морфемы: Sinologe (синоним — Chinaforscher), Sinologie (синоним — Chinaforschung); Slawist (синонима нет) Slawistik (синонима нет).

II. По количеству лексем в термине.

В эту группу входят синонимические пары, в которых один синоним представляет собой монологемный термин (простое или сложное слово), а второй — полилексемный термин (терминологическое словосочетание).

К группе синонимов «монологемный термин — полилексемный термин» относятся в основном лингвистические монологемные термины иноязычного происхождения, кальки которых в русском и немецком языках представляют собой терминологические словосочетания, поскольку эти языки чаще всего не имеют возможности выразить новое понятие одним простым словом. Язык очень неохотно идет на создание новых слов (лексико-семантических калек) и значительно чаще создает словосочетания или сложные слова из уже существующих слов-элементов (семантические кальки).

Основным синонимом в смешанном синонимическом ряду может быть как моноксемный, так и полилексемный термин, т. е. как иноязычное слово, так и свое национальное. При этом в качестве основных синонимов для русской лингвистической терминологии характерны, как правило, русские калькированные полилексемные дублеты, а для немецкой лингвистической терминологии — иноязычные моноксемные единицы (в советской германистике). А. И. Полторацкий описал данное явление в лингвостилистике [см. 4, с. 136—138].

В словаре же лингвистических терминов на первое место в смешанных рядах, как правило, следует помещать иноязычный термин, поскольку он является первоосновой для остальных синонимов, наиболее точен в отношении номинации и, кроме всего прочего, хронологически занимает первое место, тогда как остальные появились в виде калек позднее, например: а) в русском языке: *derivat* — производное слово, *passiv* — страдательный залог; б) в немецком языке: *Dativ* — *Wemfall* — *der dritte Fall*.

К данной группе синонимов относятся также пары: иноязычный или национальный моноксемный термин — русское или немецкое словосочетание, в которое в качестве определяющего слова входит прилагательное, произведенное от соответствующего иноязычного или национального существительного + название надлежащей категории понятий, например: а) в русском языке: *аспира́та* — *аспира́тивный со́гласный*, *непо́лногласи́е* — *непо́лногласное соче́тание*; б) в немецком языке: *Frequentativum* — *die frequentativische Aktionsart*, *Inversion* — *die invertierte Wortfolge*.

На 30 тысяч русских лингвистических терминов нами зафиксировано 487 смешанных синонимов, сгруппированных в 170 синонимических рядов, и, соответственно, на 35 тысяч немецких лингвистических терминов — 620 смешанных синонимов, объединенных в 153 синонимических ряда. Отсюда можно сделать вывод, что этот вид синонимов в русском языке распространен значительно больше, чем в немецком, поскольку в нем имеется больше терминологических словосочетаний, тогда как в немецком языке калки часто принимают форму сложных слов, т. е. моноксемных единиц. При этом количество синонимических единиц в синонимическом ряду в русской лингвистической терминологии составляет в среднем 2,8 синонима, а в немецкой — 4.

III. По частичной или полной замене одних терминологических словосочетаний другими.

Как для моноксемных, так и для полилексемных лингвистических терминов характерно наличие большого количества синонимов, отличающихся друг от друга либо частичной заменой входящих в них элементов, либо полной заменой одного словосочетания другим.

1. Синонимическая замена отдельных компонентов терминологических словосочетаний и сложных слов. М. Д. Степанова

и И. И. Чернышева пишут, что «структурные синонимы.... представляют собой фразеологические единицы одного структурного типа, где синонимической замене может подвергнуться компонент, составляющий семантическую основу выражения, например: bei j-m in der Kreide stehen (stecken, sein)....» [5, с. 247].

Дефиниция понятия «структурная синонимия фразеологизмов» содержится в работе А. В. Кунина: «Структурная синонимия — это образование синонимов путем замены одного компонента фразеологической единицы другим, обычно принадлежащим к той же части речи, или путем перестановки компонентов при сохранении грамматической структуры оборота» [3, с. 1444]. При этом А. В. Кунин не проводит различия между понятиями «структурные синонимы» и «структурные (синтаксические) варианты».

Различие между синонимическими фразеологическими единицами обиходного языка и терминологическими словосочетаниями, а также заменяющими их сложными словами-терминами состоит в том, что в терминологических словосочетаниях взаимозаменяемыми могут быть любые смысловые и грамматические отрезки словосочетаний, отдельные слова и даже отдельные компоненты сложных слов и что взаимозаменяемые элементы терминологических словосочетаний часто не являются синонимами вне контекста, например: а) в русском языке: *жестовый язык* — *ручной язык* — *кинетический язык* — *линейный язык*, *народная этимология* — *ложная этимология*; б) в немецком языке: Demonstrativpronomen — Demonstrativfürwort — ein demonstratives Pronomen — ein hinweisendes Pronomen — ein demonstratives Fürwort — ein hinweisendes Fürwort — ein deiktisches Pronomen — ein deiktisches Fürwort — Zeigefürwort — ein anzeigendes Pronomen — ein anzeigendes Fürwort.

Как явствует из приведенных выше примеров, в синонимические отношения термины чаще всего вступают в следующем комплексе: сложное слово — производное слово в качестве определения (с другим синонимическим или с тем же корнем, что и первый компонент сложного слова) + определяемое слово (с другим синонимическим или с тем же корнем, что и второй компонент сложного слова). Об этой особенности В. А. Гречко говорит: «Близкая соотносительность синонимов позволяет им параллельно участвовать также в качестве частей сложных слов и производных слов-синонимов» [2, с. 5].

Поскольку словосложение — характерная черта немецкого языка, то типичными являются и синонимические пары лингвистических терминов: термин — сложное слово — терминологическое словосочетание.

К анализируемой группе синонимов принадлежат также словосочетания, отличающиеся друг от друга определением при постоянном определяемом, например: *абсолютные синонимы* — *полные синонимы* — *равноценные синонимы*, absolute Synonyme — volle Synonyme — gleichwertige Synonyme.

Взаимозаменяемые определения могут быть выражены как атрибутивными прилагательными, так и существительными в косвенных падежах без предлогов и с предлогами, например: *специальный вопрос — уточняющий вопрос — вопрос с уточнением — вопрос с вопросительным словом*, ein nachgestelltes Attribut — ein Attribut in Nachstellung — ein ausgeklammertes Attribut (*постпозитивное определение*).

Иногда в таких сопоставлениях варьируются синонимы определяемого слова, например: *слияние диалектов — схождение диалектов — интеграция диалектов*, Verbesserung der Bedeutung — Erhöhung der Bedeutung.

К рассматриваемому разделу синонимов лингвистических терминологических словосочетаний относятся словосочетания как с иноязычными, так и национальными элементами. В качестве основного синонима мы брали более употребительный, независимо от его происхождения, например: а) в русском языке: *динамическое ударение — экспираторное ударение — силовое ударение — выдыхательное ударение*; б) в немецком языке: ein Adverbialsatz der Art und Weise — ein Umstandssatz der Art und Weise — ein Umstandssatz des Mittels und Werkzeugs — Instrumentalsatz — Modalsatz.

Синонимическая замена отдельных элементов лингвистических терминологических словосочетаний образует самый многочисленный разряд синонимов как в русском, так и в немецком языке. Среди 30 тысяч русских лингвистических терминов нами обнаружено 1100 синонимов этого рода, сгруппированных в 363 синонимических ряда (в среднем по 3 синонима в синонимическом ряду), и, соответственно, среди 35 тысяч немецких лингвистических терминов — 785 синонимов, объединенных в 230 синонимических рядов (в среднем по 3,4 синонима в синонимическом ряду). Как видим, количество терминологических синонимических словосочетаний в русском языке намного превосходит количество синонимов терминологических словосочетаний в немецком языке, что еще раз подтверждает известное положение о превалировании этого вида терминов-клек в русском языке [см. 6, с. 16—17]. Количество синонимов в синонимическом ряду примерно одинаково, хотя в отдельных случаях их бывает от 2 до 7 единиц в том и другом языке.

2. Полная замена одних терминологических словосочетаний другими.

В этот раздел входят как пары и группы терминологических словосочетаний, являющихся синонимами по своей семантике в целом, так и синонимы, образованные путем замены всех элементов словосочетаний их эквивалентами в данном конкретном случае (контекстуальными синонимами), например: *внутренний монолог — перешитая речь*, der feste Akzent — die gebundene Betonung.

Анализ показывает, что в составе немецкой лингвистической терминологии имеется не только меньше синонимических словосо-

четаний, чем в русской, но что и по своему характеру они не столь разнообразны, как русские. Что касается языка-источника синонимических терминологических словосочетаний, то среди них встречаются как иноязычные заимствования, так и исконные слова русского и немецкого языков, например: а) в русском языке: *адвербиальный оборот* — *наречное словосочетание*, *передвижение согласных* — *перебой звуков*; б) в немецком языке: *der dynamische Akzent* — *die expiratorische Betonung*, *Futurum II* — *die vollendete Zukunft*.

Синонимических словосочетаний с полной заменой их элементов в русской и немецкой лингвистической терминологии имеется незначительное количество (нами зафиксировано всего 6 русских и 13 немецких синонимических рядов, включающих 12 русских и, соответственно, 30 немецких синонимов). Данный факт можно объяснить слишком жесткими требованиями к структуре подобных терминологических единиц.

Из всего изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Синонимы русских и немецких лингвистических терминов подразделяются по своей структуре на три группы: а) простые синонимы (моноксемные синонимы в одном синонимическом ряду); б) смешанные синонимы (моноксемные и полилексемные синонимы в одном синонимическом ряду); в) составные синонимы (полилексемные синонимы в одном синонимическом ряду).

2. Внутри первой группы структуральная классификация синонимов проводится на уровне словообразования (по составу морфем простых слов и по составу компонентов сложных слов); внутри второй группы рассматриваются случаи синонимии между словами и словосочетаниями; внутри третьей группы анализируются частичные и полные замены одного терминологического словосочетания другим на синтаксическом уровне.

3. Поскольку количество синонимов русских и немецких лингвистических терминов прямо пропорционально возможностям их структуральных замен, то самым распространенным видом синонимии по структуре является третий, оперирующий отдельными частями словосочетаний, а самым немногочисленным — первый, имеющий дело со словарными единицами, что и подтверждается нашими статистическими данными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А х м а н о в а О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., Учпедгиз РСФСР, 1957. 295 с.
2. Г р е ч к о В. А. Однокоренные синонимы в современном русском языке (имена прилагательные). Автореф. дис. на соиск. учен. степени. канд. филол. наук. Л., 1964. 18 с.
3. К у н и н А. В. Некоторые вопросы английской фразеологии. — В кн.: Англо-русский фразеологический словарь. В 2-х т. Т. 2. М., Изд-во иностр. и нац. словарей, 1955, с. 1431—1455.
4. П о л т о р а ц к и й А. И. Основные понятия лингвостилистики. — В кн.: Принципы и методы лингвостилистического исследования. Изд-во Моск. ун-та, 1966, с. 131—143.

5. Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка. М., «Высш. школа», 1962. 304 с.
6. Субботина И. А. Становление и развитие немецкой грамматической терминологии (на материале морфологии). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1967. 20 с.

С. Т. НАВАЛЬНАЯ, канд. филол. наук

О НОМИНАТИВНЫХ И ВЕРБАЛЬНЫХ СВОЙСТВАХ ИНФИНИТИВА И ГЕРУНДИЯ

Сосуществование в английском языке неличных форм герундия и инфинитива привлекало внимание исследователей, во-первых, благодаря подобию функциональных свойств и сходству их дистрибутивных признаков и, во-вторых, благодаря общему процессу номинализации английского предложения [см.: 5; 6; 8], одним из проявлений которой является все более широкое использование инфинитива и герундия в речи.

В связи с особой ролью неличных форм глагола (НФГ) в процессе номинализации английского предложения определенный интерес представляет проблема изучения их номинативных и вербальных свойств, которая до сих пор остается мало изученной. Одной из попыток решить этот вопрос в функциональном плане является исследование А. А. Волковой [1]. Однако следует отметить, что рассмотрение инфинитива и герундия в одной лишь синтаксической функции — функции подлежащего — приводит к искаженной картине и неверным выводам, как это и случилось с вышеуказанным автором, который на основании факта сравнительно редкой употребляемости инфинитива и герундия в функции подлежащего (на 20 тыс. страниц текста — 244 случая инфинитива и 338 — герундия) делает поспешный, на наш взгляд, вывод о небольшом удельном весе именных свойств этих форм. Такой ход рассуждений легко мог бы привести к сомнительному выводу о том, что и существительное теряет свои именные свойства и приобретает вербальные на основании того факта, что удельный вес встречаемости его в функции подлежащего, во-первых, хорошо сопоставим с его удельным весом в составе именного составного сказуемого (см. табл. 1), а во-вторых, абсолютная частота употребления существительного в функции подлежащего будет, безусловно, ниже, чем во всех других синтаксических функциях (дополнения, обстоятельства и др.), так же, как это имеет место в частотном распределении инфинитива и герундия [см. табл. 1, 2, 3].

Здесь следует отметить, что оценка репрезентативности данных по распределению имени существительного и НФВ определялась для частоты каждой синтаксической функции по формуле относительной ошибки: $\delta = Z_p / \sqrt{Np}$, где N — объем выборки; p — относительная частота; Z_p — в нашем случае равно 2, при этом порог достоверности значения δ не превышал 0,33.

Таблица 1
Частотное распределение имени
существительного

Синтаксическая функция	Абсолютная частота	Абсолютная частота, %
подлежащее	52	8,4
в составе сказуемого	70	11
дополнение	351	58
определение	43	6,6
обстоятельство	106	16

хода имеет явные преимущества перед лексико-семантическим, который таит в себе потенциальную возможность субъективной оценки наблюдаемых явлений.

Таблица 2
Частотное распределение инфинитива

Синтаксическая функция	Стиль			
	научный		разговорный	
	Абсолютная частота	Абсолютная частота, %	Абсолютная частота	Абсолютная частота, %
подлежащее	233	7,7	96	1,8
в составе сказуемого	2014	66,2	3254	62,5
дополнение	148	4,9	1347	25,8
обстоятельство	645	21,2	515	9,9

Таблица 3
Частотное распределение герундия

Синтаксическая функция	Стиль			
	научный		разговорный	
	Абсолютная частота	Абсолютная частота, %	Абсолютная частота	Абсолютная частота, %
подлежащее	55	4,78	79	10,09
в составе сказуемого	8	0,68	125	15,98
дополнение	227	19,72	382	48,84
обстоятельство	444	38,59	78	9,97
определение	416	36,29	118	15,09

При исследовании функционирования НФГ в разностилевых массивах текстов нами было отмечено, но не нашло подробного рассмотрения специфическое поведение НФГ, проявляющееся в свойствах, которые имеют сравнительно малую чувствительность к функциональным стилям и ярко характеризуют каждую НФГ независимо от стиля, т. е. в системе языка [см. 4]. Именно эти особенности НФГ и рассматриваются в данной статье.

Для определения удельного веса каждого из исследуемых свойств и их количественно-качественной оценки вводим коэффициент детерминативного признака K и устанавливаем степень доминантности номинативных и вербальных свойств инфинитива и герундия. При этом сопоставляем признаки, связанные обратно пропорциональным отношением:

$$K_{\text{ном}} = \frac{\sum F_s + \sum F_o}{\sum F_s + \sum F_o + \sum F_p},$$

где F — абсолютная частота употребления; s — подлежащее; o — дополнение; p — сказуемое;

$$K_{\text{verb}} = \frac{\sum F_p}{\sum F_s + \sum F_o + \sum F_p}.$$

Пользуясь данными табл. 2 и 3, получаем следующие значения K : для инфинитива $K_{\text{ном}} = 0,25$; $K_{\text{verb}} = 0,75$; для герундия $K_{\text{ном}} = 0,85$; $K_{\text{verb}} = 0,15$. Значения этих коэффициентов свидетельствуют о том, что инфинитив в большей степени, чем герундий, подвергся процессу вербализации. Герундий еще сохраняет большую долю номинативных свойств, а его вербальные свойства значительно уступают именным.

Если возвратиться к данным табл. 3 и 1 и сопоставить величины полученных коэффициентов с соответствующими величинами по синтаксическому распределению имени существительного, K_{verb} которого также равен 0,15, то вряд ли найдутся основания для вывода об увеличении вербальных свойств герундия. Как видим, процессу вербализации подвергся в большей степени инфинитив.

Таким образом, количественная картина синтаксического функционирования НФГ, в частности инфинитива и герундия, позволяет найти подход к раскрытию природы этих форм, которые выступают в английской речи своего рода конденсерами номинативно-вербальных свойств, а применение коэффициента детерминативного признака дает возможность судить об удельном весе номинативных и вербальных свойств в каждой из этих неличных форм. Кроме того, вышеизложенное в какой-то мере может также объяснить противоречивость двух тенденций в английском языке: номинализации английского предложения в целом в связи с особенностями развития языка по пути аналитического строя [см.: 3; 7] и одновременной вербализации инфинитива [см. 2]. Последняя, как нам кажется, является следствием первой в результате широкого использования инфинитива как средства выражения предикации, способствующего проникновению именного компонента в морфологическую и синтаксическую структуру, в которой он становится семантическим центром.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова А. А. Инфинитив и герундий в функции подлежащего. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1965. 18 с.
2. Есперсен О. Философия грамматики. М., Изд-во иностр. лит., 1958. 404 с.
3. Коваленко В. Е. Роль именных компонентов в развитии предикативной сущности простого предложения современного английского языка. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра филол. наук. Л., 1969. 36 с.
4. Навальная С. Т. Функционирование неличных форм английского глагола в научной и разговорной речи (опыт лингвостатистического описания). Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1974. 204 с.
5. Хэррис З. С. Совместная встречаемость и трансформация. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. II. М., Изд-во иностр. лит., 1962. 109 с.
6. Хомский Н. Синтаксические структуры. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. II. М., Изд-во иностр. лит., 1962. 116 с.
7. Ярцева В. Н. Развитие сложноподчиненных предложений. М. — Л. «Наука», 1948. 25 с.
8. Robert V. Lees. The Grammar of English Nominalizations. Oxford, 1962. 87 p.

Э. А. НЕПОМНЯЩАЯ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МОТИВАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ

Одним из важнейших путей улучшения учебно-воспитательной работы в вузе является формирование полноценной мотивации учения, ибо развитие познавательных возможностей и творческих способностей обучаемых в значительной степени зависит от того, как складывается, развивается их отношение к процессу обучения.

Мы исходим из марксистско-ленинского материалистического понимания мотивов, развитого в советской педагогике и психологии.

Мотив — это побуждение к деятельности, связанное с удовлетворением определенных потребностей, совокупность внутренних психологических условий, вызывающих, направляющих и управляющих человеческими действиями, поступками [см. 6]. Под мотивами учения понимаются все побудители учебной деятельности [см. 2].

Задача всестороннего исследования поведения обучающегося приводит к необходимости изучить совокупность мотивов, которые определяют его действия, т. е. м о т и в а ц и ю учения. Выделяют такие типы учебной мотивации: широкосоциальную и заложенную в самом процессе учебной деятельности. Говоря о широкосоциальной мотивации, следует выделить мотивы профессионально-ценные, благодаря которым учение воспринимается как подготовка к будущей трудовой деятельности. Что касается мотивации, заложенной в самом процессе учебной деятельности, то наибольшее значение здесь имеют познавательные мотивы, любознательность, интерес к знаниям, потребность в мыслительной деятельности, в расширении знаний. С нашей точки зрения, в этой группе мотивов исходя из отношения к процессу учения следует выделить: а) внутренние мотивы, под которыми понимаются мотивы, побуждаемые процессом

учения, способами действия, приемами анализа учебного материала, самим предметом усвоения; б) внешние мотивы, которые зависят от факторов, лежащих вне собственно учебной деятельности субъекта.

Придавая большое значение формированию мотивации в процессе мышления и, в частности, формированию подлинного интереса к предмету, П. Я. Гальперин указывает на связь мотивации поведения с разными типами ориентировки. Общее правило заключается в том, что тип ориентировки, открывая определенные возможности действия, определяет и тип мотивационной активности см. 1]. Исходя из этих общетеоретических положений, мы и должны решать вопросы формирования мотивации профессионально-направленного обучения с учетом специфики последнего.

Поставленная цель — приобретение избранной специальности — определяет и отношение студентов к изучению отдельных предметов (специальных и неспециальных (общенаучных)). Отношение студентов к изучению общенаучных дисциплин характеризуется рядом особенностей, которые необходимо учитывать, решая задачу формирования оптимальной мотивации учебной деятельности по этим дисциплинам. Во-первых, изучение общенаучных предметов студент, как правило, не связывает со своими жизненными планами, не видит в их изучении личностного смысла. Во-вторых, изучение названных дисциплин не находится в непосредственной связи с дальней целью, часто отсутствует ясное представление о целесообразности изучения их для приобретения и повышения профессиональных знаний и умений. Наконец, в-третьих, часто изучение общенаучных дисциплин не имеет непосредственного отношения к изучению основных предметов и успех или неуспех в овладении этими дисциплинами не оказывает очевидного воздействия на успеваемость по профилирующим дисциплинам.

В определенной мере отношение студентов к общенаучным предметам влияет и на характер их учебной деятельности. У студентов, особенно первого курса, при изучении этих дисциплин часто отсутствует понимание учебного смысла выполняемых заданий. В частности, задачи и задания по иностранному языку, математике, физике, химии психологически осмысливаются обучаемыми в личностном плане как поставленное перед ними преподавателем (учебником, программой) практическое задание — решить задачу, сделать перевод текста и т. п. Зачастую при этом, особенно при выполнении заданий по иностранному языку, осмысленных как практические задачи, обучаемый обращается к принесенным из средней школы привычным, более легким способам усвоения: заучиванию текста, переводу, решению — вместо использования познавательных действий для того, чтобы научиться способам действий с данным материалом.

Чтобы выявить специфические особенности формирования мотивации изучения общенаучных дисциплин в вузе, необходимо использовать в качестве модели процесс изучения одной из них. Моделью, отражающей специфику общенаучных дисциплин, является

процесс изучения иностранного языка. Полученные характеристики могут быть в дальнейшем экстраполированы и на другие предметы.

Выбор в качестве модели формирования мотивации учебной деятельности по общенаучным дисциплинам процесса овладения иностранным языком представляется обоснованным в силу целого ряда причин. Во-первых, в условиях научно-технической революции возрастают требования к подготовке по иностранному языку специалистов любого профиля. Во-вторых, все специфические особенности и сложности формирования мотивации изучения общенаучных дисциплин ярко проявляются при обучении иностранному языку. В-третьих, подготовка по иностранному языку в неязыковых вузах не полностью удовлетворяет потребности практики и одной из причин такого положения является, на наш взгляд, недостаточная мотивированность учебной деятельности.

Отношение личности к труду, как доказано советскими педагогами, определяется теми целями, которые она перед собой ставит. Это положение убедительно развито А. С. Макаренко в его «системе перспективных линий» [4]. Дальняя цель является одним из важнейших факторов, влияющих на возникновение и поддержание мотивации учебной деятельности студентов. В условиях вузовского профессионально-ориентированного обучения в дальнюю цель студент обычно включает знания по специальным предметам, которые необходимы, по его мнению, для будущей профессиональной деятельности. Дальняя цель обучения в вузе формулируется на основании требований, предъявляемых как социальный заказ общества соответствующими директивными органами, и корректируется реальной производственной деятельностью специалиста. Эти требования должны быть выражены в терминах, адекватных процессу обучения [см. 5].

Что же касается общенаучных предметов, то сложность здесь заключается в том, что студент, как правило, не включает в дальнюю цель знания по этим предметам, не осознает необходимости их использования в своей будущей практической работе. Поэтому для решения задачи формирования мотивированной учебной деятельности по иностранному языку (как одной из общенаучных дисциплин) необходимо: а) определить место знаний по иностранному языку в модели специалиста, т. е., с одной стороны, установить объем и виды знаний и, с другой стороны, те виды деятельности, которые требуют знаний по данному предмету; б) превратить социальную значимость этих знаний в личностную, что и отразится на отношении студентов к изучению этих учебных предметов.

Принцип значимости обучения во многом определяет всю деятельность обучающихся. Внимание преподавателя должно быть направлено на создание условий, обеспечивающих осознание студентами значимости учения, причем это требование имеет особое значение, когда речь идет о преподавании общенаучных дисциплин. Условием, обеспечивающим такое осознание, является тесная связь учебной деятельности и будущей профессии студента. Эта связь мо-

жет быть создана, если учебная деятельность по конкретному предмету, в том числе и общенаучному, будет организована на основании модели специалиста данного профиля. Для этого необходимо моделировать главные стороны реальной практической деятельности, разрабатывать на этом основании профессиональные ситуации и проигрывать их в процессе обучения; предметным содержанием этих профессиональных ситуаций должны стать знания, умения, навыки, которые необходимы для выполнения будущих производственных функций.

Это создаст условия, при которых изучение конкретного общенаучного предмета (в нашем случае иностранного языка) будет восприниматься студентом как подготовка к будущей деятельности, что обеспечит возникновение профессионально-ценного мотива.

Ставя перед собой задачу формирования профессионально-ценных мотивов, необходимо учитывать, что они в силу своей отдаленности от непосредственной деятельности могут быть чисто вербальными, «только знаемыми» [см. 3]. Такие мотивы не могут еще быть сами по себе побуждением к учению, причем особенно остро вопрос о разработке средств превращения только понимаемых мотивов в реально действующие стоит в условиях вузовского обучения, ибо профессиональная ориентированность студентов способствует относительно быстрому формированию понимаемых мотивов, переход же их в ряд действующих требует дополнительной стимуляции педагогом.

Один из важных факторов формирования полноценных мотивов — метод обучения. При выборе метода обучения необходимо учитывать, что в последние годы в советской методической литературе процесс обучения иностранному языку рассматривается в рамках теории поэтапного формирования умственных действий. В соответствии с этой методикой решающее значение для эффективности формирования действия имеет тип ориентировочной деятельности. Важным при этом является разделение формирования ориентировки и исполнения. При возникновении новых ситуаций обучающийся производит анализ каждой такой новой ситуации и наряду с выделением известных ориентиров производит активный поиск новых, которые необходимы для решения данной ситуации. В дальнейшем ориентиры спаиваются и уходят из внешнего плана самонаблюдения, но остаются скрытым механизмом действия.

Использование этой методики дает возможность так представить предмет, выделить его главные, существенные стороны, способы действий, методы работы над учебным материалом, что с самого начала возникает возможность организовать интенсивную внутреннюю активность обучающихся. Это и делает привлекательным сам предмет и процесс учения, поддерживает и развивает мотив к учебной деятельности.

Все изложенное позволяет предположить: 1. Обучение общенаучным дисциплинам, организованное на основании модели специалиста, приведет к осознанию значимости знаний по этим дисципли-

линам для будущей профессиональной деятельности, обеспечит возникновение профессионально-ценного мотива, интереса к предмету и к связанной с ним учебной деятельности. 2. Обучение методам анализа учебного материала приведет к воспитанию и развитию внутреннего мотива.

Экспериментальное обучение иностранному языку, проводимое в течение ряда лет в Харьковском государственном университете, показало целесообразность предложенного пути формирования мотивации учебной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гальперин П. Я. Типы ориентировки и активность учения. — «Рад-школа», 1962, № 3, с. 23—28.
2. Изучение мотивации поведения детей и подростков. Под ред. Божович Л. И. и Благонадежиной Л. В. М., «Педагогика», 1972. 463 с.
3. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. Изд. 3-е. Изд-во Моск. ун-та, 1972. 572 с.
4. Макаренко А. С. Организация воспитательного процесса. М., Изд-во АПН, 1958. 147 с.
5. Талызина Н. Ф. Управление процессов усвоения знаний. Изд-во Моск. ун-та, 1975. 208 с.
6. Философская энциклопедия. В 3-х т. Т. 3. М., «Сов. энциклопедия», 1964.

Т. Г. ПОПОВА

ПОВТОР КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ (На материале пьесы Ж. Жироду «Троянской войны не будет»)

Необходимость изучения лингвистического выражения эмоций diskutiert не только огромным значением эмоционального фактора в жизни и деятельности человека, но и тем, что проблема эмоционального в языке остается до настоящего времени одной из наименее исследованных.

Так, в лингвистике отсутствует единое понимание сущности выражения эмоциональных свойств языковых знаков и вследствие этого не определен единый подход к изучению эмоциональных языковых средств. Нет четкого разграничения между такими важными категориями, как экспрессивность и эмоциональность. Многие исследователи неправомерно относят к эмоциональной лексике слова, не выражающие эмоции, а обозначающие их. Нет единодушного мнения о принадлежности эмоционального элемента к смысловой структуре слова. Не выявлены и не определены все виды эмоционального значения и их типичность. Многие авторы называют языковые средства, выражающие эмоции, упоминая при этом фонетические, лексические, грамматические, стилистические средства, но их подробного анализа не дает ни один из авторов. Работ, посвященных этой проблеме, чрезвычайно мало, и носят они часто описательный, бессистемный характер. А между тем изучение выраженности эмоций представляет особый языковедческий интерес, не

говоря об огромном значении этого вопроса для психологии. То, что эмоции, являясь объективной данностью, находят яркое выражение в речи, не вызывает больше никаких споров среди лингвистов. Более того, многие ученые полагают, что в речи нет фразы, которой не были бы свойственны элементы эмоциональности [см., напр., 1]. Однако существует также мнение, что эмоциональность не может выражаться лингвистическими средствами [см., напр., 2]. А между тем такое языково-стилистическое средство, как повтор, представляющий особый интерес для данного исследования, является одним из убедительных подтверждений того, что эмоциональность все же приобретает своеобразное лингвистическое преломление в определенных лингвистических и экстралингвистических условиях. То, что повтор является полифункциональной лингвистической единицей в различных функциональных стилях языка, не вызывает у специалистов никаких сомнений. Так, многие советские и зарубежные лингвисты считают, что повтор — это «стилистический прием» [3, с. 258], «широко распространенное выразительное средство, употребляемое во всех видах эмоциональной речи» [7, с. 73], «синтаксическая фигура» [9, с. 277], «синтактико-стилистическое средство связи между словами, группами слов, предложениями и абзацами» [11, с. 315].

Следует заметить, что повтор — не только лексическое или синтаксическое средство, но и общезыковое явление, имеющее место на всех уровнях языка и появляющееся как повторение какой-либо языковой единицы, соответствующей определенному лингвистическому уровню.

Сущность повтора как стилистического средства заключается в его особом воздействии на читателя. Сила этого воздействия создается не звуковой или лексической наполняемостью повторяемых единиц, а в результате их неоднократного появления. Они проникают в сознание слушателя, создают эмоциональную атмосферу повествования в различных речевых контекстах высказывания [см. 6, с. 4], обладая высокой степенью напряженности, эмфазой. Нередко появление повторов в эмоциональной диалогической речи обусловлено психологическим фактором — «моментом неожиданности» предыдущей реплики. Сам говорящий вряд ли отдает себе отчет в том, что его словесная реакция на предыдущую реплику будет содержать повтор:

Ulysse: Et les trois nuits? Au-dessus de votre couple, les étoiles ont paru et disparu trois fois. Rien ne vous a pas demeuré, Hélène, de ces trois nuits?

Hélène: Si ... si. J'oubliais! Une bien meilleure science des étoiles [10, p. 156].

Повторение лексических единиц (si ... si) в контексте предложений-лексем — следствие повышенной эмоциональности психического состояния героя, средство «разрядки» напряженности. Повтор как выражение эмфазы, по-видимому, применяется неосознанно,

тем не менее эмоциональная насыщенность высказывания непосредственно и особенно сильно ощущается читателем в результате одновременного и многократного повторения языковых единиц различного уровня:

Hélène: Qu'est-ce Andromaque t'a dit au juste de me demander?

La p. Polyxène: De partir, *si vous aimez!*

Hélène: *Si tu aimais quelqu'un*, tu le quitterais?

La p. Polyxène: *Oh! Non! Jamais!*

Hélène: Qu'est-ce que tu *préférerais*, quitter Hécube ou ne rien sentir?

La p. Polyxène: *Oh! ne rien sentir! je préférerais rester et ne plus jamais rien sentir!*

Hélène: Tu vois comme tu t'exprimes mal! Pour que je parte, au contraire, il faudrait que *je ne vous aime pas*. Tu préfères que *je ne t'aime pas*? La p. Polyxène: *Oh! Non! que vous m'aimiez!* [10, p. 124].

На лексическом уровне — это междометные восклицательные слова, на синтаксическом — частичное повторение параллельных конструкций с восклицательной интонацией, появляющихся в диалогической речи в тот момент, когда речь достигает наибольшего эмоционального напряжения, когда план содержания предыдущих реплик говорящего осознанно направлен на то, чтобы внушить слушающему определенную мысль, убедить его в чем-то.

Диалогическая речь достигает наивысшего эмоционального накала, динамичности и напряженно-впечатляющей экспрессии, когда смысловая значимость повторяемых параллельных синтаксических конструкций с вопросительной или восклицательной интонациями играет роль определенного зачина, темы, реализуемой в повторах:

Abnéos: *On a tué Démokos! Qui a tué Démokos?*

Démokos: *Qui m'a tué? Oïax ... Oïax! Tuez-le!*

Abnéos: *Tuez Oïax! ... Oïax a tué Démokos ... Rattrapez-le!..*

Châtiez-le! [10, p. 182].

Повторы, употребленные в этом примере, кроме смысловой информации передают эмоционально-экспрессивное содержание, подчеркивая значимость темы, изложенной автором.

Категоричность, напряженность, динамичность, гнев, злорадство подчеркиваются всем контекстом диалогической речи. Однако центром логического и эмоционального содержания является функционирование повторов разных лингвистических уровней:

Hector: *Il ment! C'est moi que l'ai frappé.*

Démokos: *Non. C'est Oïax.*

Hector: *C'est moi, Démokos; avoue-le! Avoue-le ou je t'achève!* [10, p. 182].

Многократное повторение языковой единицы с'est является ведущей моделью, конструкцией-мотивом диалогического единства. Восклицательная интонация предложений с компонентом с'est выражает эмоционально окрашенное суждение. Повтор-обращение,

сочетаясь с частичным повторением синтаксических конструкций с эмоциональным лексическим наполнением, передает огромную борьбу эмоций, негодование. Таким образом, появление повторов на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях как некоторой системы в рамках двучленного диалогического единства является, несомненно, свидетельством эмоциональности речи.

Эмоциональность повествования может достигаться повторением в репликах разных действующих лиц если не всей структуры предложения, то той ее части, где наиболее ярко выражена эмоциональная окрашенность. Повтор при этом может быть абсолютным или трансформированным. Такой тип высказывания построен, как правило, на восклицательных или вопросительных предложениях:

Andromaque: *Pourquoi la guerre aurait-elle lieu? Pâris ne tient plus à Hélène. Hélène ne tient plus à Pâris.*

Cassandra: *Il s'agit bien d'eux!*

Andromaque: *Il s'agit bien de quoi?*

Cassandra: *Pâris ne tient plus à Hélène! Hélène ne tient plus à Pâris!* [10, p. 10].

Синтаксический параллелизм построения элементарных предложений с восклицательной интонацией сопровождается анафорическим повтором элементов их конструкций. Синтаксический хиазм становится в данном диалоге стилистической фигурой, так как в перекрещивающихся членах повторяются языковые знаки, несущие достаточно важную информацию; акцентируемые слова благодаря хиастической расстановке приобретают в повествовании особую логическую значимость. Конструкции, построенные по принципу параллелизма, синтаксически независимы друг от друга. Таким образом, создается равновесие по силе значимости и усиливается потенциал высказывания:

Andromaque: *La guerre de Troie n'aura pas lieu, Cassandra. Cet envoyé des Grecs a raison. On va bien le recevoir. On va bien lui envelopper sa petite Hélène, et on la lui rendra.*

Cassandra: *On va le recevoir grossièrement. On ne lui rendra pas Hélène. Et la guerre de Troie aura lieu* [10, p. 9].

Логическая организация этого диалогического единства основывается на антитезе, которая удобно сочетается с параллельными конструкциями, представляющими собой особый вид синтаксического повтора. Благодаря сочетанию антитезы с параллелизмом углубляется контраст или противоположность идей, развиваемых действующими лицами. Синтаксические структуры, употребленные с анафорической выраженностью субъекта предложений через *-on*, отличаются лаконичностью выражения. Их многократные появления в повествовании обусловлены необходимостью выражения моментов эмоционально-экспрессивного плана.

Синтаксические структуры с анафорическим повторением лексических единиц в сочетании с эпифорой занимают значительное

место в повествовании, приобретая повышенную отчетливость, когда они приобретают значение самостоятельных объектов во внимании слушателя, подчеркивая весомость и экспрессивно-эмоциональное содержание повествования:

Hector: *Dis-moi*, pourquoi nous trouvons la ville transformée du seul fait d'Hélène! *Dis-moi*, ce qu'elle nous a apporté qui vaille une brouille avec les Grecs!

Le Géomètre: Tout le monde peut *te le dire*! Moi je peux *te le dire* [10, p. 43].

В анафорической позиции могут встретиться знаменательные слова, группируя вокруг себя различные по структуре перечисления:

Hector: *Je pèse* un homme jeune, une femme jeune, un enfant à naître. *Je pèse* la joie de vivre, la confiance de vivre....

Ulysse: *Je pèse* l'homme adulte, la femme de trente ans, le fils que je mesure chaque mois avec des encoches... *Je pèse* la volupté de vivre...

Hector: *Je pèse* la chasse, le courage, la fidélité, l'amour.

Ulysse: *Je pèse* la circonspection devant les dieux, les hommes, et les choses [10, p. 168].

Это ораторская речь. Эмоциональное воздействие ораторской речи обязательно сочетается с интеллектуальным началом, что повышает ее убедительность и действенность. Стремление убедить собеседника заставляет говорящего нагнетать языковые элементы, сходные по смысловой наполняемости. Что поставлено на весы двумя ораторами? Человеческие ценности, которые так дороги каждому из них: la vie d'un homme jeune, la vie de sa «femme jeune», de «son enfant à naître» (для Гектора), la vie «d'un homme adulte», la vie de «sa femme de trente ans» et de son fils (для Улисса).

Hector: *Je pèse* le chêne phrygien, tous les chênes phrygiens feuillus et trapus, épais sur nos collines avec nos boeufs frisées.

Ulysse: *Je pèse* l'olivier.

Hector: *Je pèse* le faucon, je regarde le soleil en face.

Ulysse: *Je pèse* la chouette [10, p. 168].

Анафорическое повторение лексической единицы peser служит лейтмотивом диалогического единства. На его фоне раскрываются семантико-экспрессивные связи других элементов повтора.

Лексические перечисления однородных членов конструкций с трехчленной градацией кроме выполнения коммуникативной функции несут в себе особые оттенки логического и экспрессивно-эмоционального содержания. Сопровождаемый согласованными определениями, выраженными прилагательными с предикативной функцией, несогласованными определениями и определением, выраженным придаточным предложением, повтор-перечисление, основная функция которого — усиление воздействия на собеседника, появляется в речи в тот момент, когда говорящему необходимо раскрыть важнейшие сущности явлений действительности, выделяя

в них общие и индивидуальные качества: la joie de vivre, la confiance de vivre, la volupté de vivre et la méfiance de la vie. По мере нарастания эмоциональной напряженности высказывания наблюдается постепенное нарастание напряженности и в синтаксическом оформлении (путем увеличения количества повторяемых лексических единиц с одновременным общим количественным увеличением параллельных структур). Все перечисления синонимичны, отличаются они друг от друга лишь большей или меньшей конкретностью: la chasse, le courage, la fidélité, l'amour, la joie de vivre, la confiance de vivre, le chêne phrygien, le faucon, l'olivier. Эти слова являются составляющими понятия «человеческое счастье», отличаясь лишь большей или меньшей смысловой объемностью. Поэтому такое обилие служебных знаменательных слов, параллельных построений с двух- и трехчленной градациями направлено на эмоциональное восприятие речи собеседника. Наступает как бы преобладание эмоционально-экспрессивного содержания высказывания над смысловым. Прислушиваясь к ритму высказывания, мы обнаруживаем, что и он раскрывает перемежающиеся нарастания и спады напряженности.

Рассмотрев, таким образом, повтор как многократное появление языковой единицы в диалогической художественной речи на разных лингвистических уровнях: лексическом, морфологическом и синтаксическом, нам удалось заметить: 1. Повтор, представляя необходимую важнейшую единицу в функционировании языка как системы, является стилистическим средством выражения экспрессивно-эмоциональной речи. 2. Повтор, будучи свойством речи, является средством ее характеристики. 3. Системный характер появления повторов позволяет заключить, что эмоциональный потенциал высказывания, реализуемый в повторах, осуществляется в тот момент, когда психическое состояние говорящего достигает довольно высокой степени эмфазы; поэтому основным свойством повтора является, несомненно, эмоционально-экспрессивное. 4. Повтор с качественной стороны несет дополнительную информацию эмоционально-экспрессивного содержания.

Все виды повторов в речи выполняют, как подтверждает исследованный фактический материал, функции воздействия, подчеркивания, выделения, уточнения, оценки, которые находятся в тесном взаимодействии со смысловой стороной высказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балли Ш. Французская стилистика. М., «Иностр. лит.», 1961. 393 с.
2. Вандриес Ж. Язык. М., «Соцэкгиз», 1937. 410 с.
3. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке. — В кн.: Сборник статей по языкознанию. Изд-во Моск. ун-та, 1958. 371 с.
4. Гальперин Н. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., Изд-во лит. на иностр. языках, 1958. 458 с.
5. Головкина Н. Т. Повтор как стилистическое средство в различных видах и жанрах речи. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1964. 22 с.

6. Колшанский Г. В. О природе контекста. — «Вопросы языкознания», 1959, № 4, с. 47—49.
7. Кузнец М. Д., Скребнев Ю. М. Стилистика английского языка. Л., Учпедгиз, 1960. 172 с.
8. Курдюкович Е. Лингвистика и теория языка. — В кн.: История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. II. М., Учпедгиз, 1965. 332 с.
9. Морен М. К., Тетеревникова Н. Н. Стилистика современного французского языка. М., Изд-во лит. на иностр. языках, 1960. 298 с.
10. Giraudoux J. La guerre de Troie n'aura pas lieu. P., Bernard Grasset. 183 p.
11. Riesel E., Schendels E. Stilistik der deutsche Sprache. M., «Hochschule», 1975. 315 S.

Ж. Е. ПОТАПОВА

О СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ ОБОСОБЛЕННОГО ПРИЛОЖЕНИЯ

Обособленное приложение, как показывают исследования, представляет собой явление, давно и прочно вошедшее в жизнь, развивающееся и выявляющее новые формы своего существования.

Приложение не раз привлекало внимание исследователей. Прежде всего здесь следует назвать таких грамматистов, как О. Эрлманн, Л. Зюттерлин, О. Бехагель, Ф. Блатц, Г. Пауль, А. А. Потенба, Д. Н. Овсянко-Куликовский, А. М. Пешковский, А. А. Шахматов и др. Но до середины нашего столетия проблемы приложения рассматривались лишь в грамматических трудах общего характера. С пятидесятых годов стали появляться работы, специально посвященные общим и частным вопросам этого явления. Г. П. Цыганенко на материале современного русского литературного языка уточняет формы морфологического выражения приложения, границы между аппозитивными сочетаниями существительных и сложными словами, возникающими на их почве, устанавливает критерии в различении приложения и определяемого слова, изучает синтаксические свойства приложения, формы и функции идущих от него и к нему синтаксических связей [см. 11]. М. А. Гудима выявляет и определяет синтаксическую сущность аппозиции в молдавском языке, прослеживает синтаксическую связь аппозитива с определяемым словом, а также лексико-семантические и грамматические функции приложения [см. 2]. Б. Г. Ключковский пересматривает традиционный взгляд на приложение как определение и считает, что не во всех случаях приложение выполняет функцию атрибута [см. 5]. К. П. Орлов рассматривает вопрос об отграничении приложения от определяемого слова, характер формально-грамматического и лексического соотношения приложения и господствующего слова, грамматические средства, которые использованы при образовании сочетаний с приложением, прослеживает функциональную роль приложения при господствующих словах и зависимость структуры приложения от целей сообщения [см. 8]. Ж. С. Лебедева посвятила свою работу интонационно-грамматическому анализу структур прило-

жения в современном английском языке [см. 7]. М. П. Савцова выясняет грамматическую природу приложений, систематизирует виды приложений в современном немецком языке, ставя выбор структуры оформления в процессе реализации мысли в зависимость от семантического фактора, проводит четкую границу между аппозиционными сочетаниями, включающими в свой состав необособленные приложения, и аппозиционными сочетаниями, образованными при помощи обособленных приложений [см. 9]. Работа Э. А. Гуляевой посвящена только обособленному приложению. Автор рассматривает грамматическую характеристику обособленного аппозитива, выясняет способ грамматической реализации лексико-семантического взаимоотношения обособленного аппозитива с основным словом [см. 3]. Р. И. Каталинайте выявляет специфику обособленного приложения, отграничивает эту конструкцию от других синтаксических явлений, изучает ее семантико-синтаксические свойства, структуру, роль и значение в старофранцузском языке, а также исследует пути становления современных конструкций приложения [см. 4].

Поскольку нас интересует именно обособленное приложение, остановимся здесь еще на работах, посвященных обособлению, в которых рассматриваются и вопросы приложения. Так, Т. А. Свбллова классифицирует обособленные приложения и определяет их роль в зависимости от функциональных признаков [см. 10]. Д. Т. Кротъ, устанавливая наиболее характерные типы обособленных членов предложения в языке произведений М. М. Коцюбинского, выделяет и приложение, показывает влияние обособления на ритмо-мелодику языка произведений писателя [см. 6].

Как видно из обзора, авторы рассматривают приложение в основном с грамматических позиций, по мере необходимости затрагивая вопросы лексического наполнения членов аппозиционного сочетания. Мы рассматриваем обособленное приложение как повтор наименования объекта, уже названного основным членом конструкции. Этот вид повтора следует считать лексико-синтаксическим. Но семантическое наполнение и синтаксическая форма не дадут полного представления об обособленном аппозитиве, если не связывать их выбор с целями говорящего (пишущего). Именно этот аспект — выяснение стилистических функций — еще не подвергался изучению и является предметом нашего рассмотрения.

Приведем пример: *Ein Stern, das, böse glühende Auge des Mars, tanzte vor dem Bullauge auf und ab, als Timm erwachte. Er lag im oberen Bett der Koje, die er mit dem Steward teilte. Über dem Atlantik dämmert grau der Tag herum* [12, S. 146]. Семантика приложения (повторного наименования объекта) говорит о том, как выглядела звезда, когда Тим проснулся. Но почему автор именно так назвал звезду? Ответ подсказывает ситуация. Мальчик Тим продал некоему барону свой смех за свойство выигрывать любое пари. Довольно скоро он понял, что нет такого богатства, за которое можно было бы отдать бесценный дар природы — улыбку и смех. Как все

возвратить на свои места? Его друг, продавший барону свои глаза, получил их обратно. Может быть, и к Тиму вернется его смех? И вот из одного только удачного наименования-сравнения мы понимаем, что надежды мальчика не оправдались. Конечно, если бы Тим мог вновь смеяться, звезда в его глазах выглядела бы привлекательнее. Такой экономный в материальном воплощении способ выражения мысли оказывается очень емким по содержанию.

Для изучения роли повторного наименования в конструкции обособленного приложения необходимо учитывать семантическое соотношение первого и второго членов конструкции. На основе такого соотношения нами выделены 36 основных семантических моделей. Мы рассмотрим здесь одну из них и покажем возможности использования в ней повторного наименования.

Модель, имеющая символическое обозначение $P - D$, соответствует тому варианту конструкции обособленного приложения, где первичное наименование выражено местоимением (P), а повторное — прямое наименование (D). К прямым наименованиям относим имена собственные или имена нарицательные для тех объектов, которые не имеют имени собственного вообще или в данном контексте [см. 1].

Прямое наименование употребляется после местоимения в официальном стиле, в частности при составлении документов, как того требует установленная форма, продиктованная необходимостью однозначного понимания именуемого объекта: *Torres nahm das Papier und las laut, aber unsicher: «Ich, Ignacio Torres Beltran, verzichte für mich und meine Nachkommen auf alles Land, alle Gebäude und allen übrigen Besitz in Tepotla, den ich bisher als mein Eigentum betrachtete. Dieser Verzicht soll wie ein Eid auf Bibel und Kreuz gelten»* [14, S. 208]. Оба наименования в таких случаях находятся в контактном положении.

Следующий пример характерен для разговорной речи. Имя собственное уточняет или напоминает, кто подразумевался при первом назывании. Здесь возможна и дистантная позиция наименований: *«Aber Herr Kaluweit», sagte Lieschen mit schmallender Stimme, «ich stottere doch mein Rad bei Ihnen ab, Lieschen Sperling. Sie kennen mich doch?»* [15, S. 142].

Неподготовленной разговорной речи, а также возбужденной, экспрессивно окрашенной свойственно называние лиц, предметов местоимениями, так как говорящему понятно, что он имеет в виду. Говорящему так удобно, особенно, если он хочет поскорее что-то сообщить или объяснить ситуацию. Потом, как бы вспомнив, что собеседникам неясно, о ком или о чем идет речь, он называет уже более конкретное имя, по данной модели — имя собственное. Пример с отодвинутой повторной номинацией показывает большую степень экспрессии. *Bevor Hein antworten konnte, schob sich Gerd heran: «Er, der Robert, hat mich überzeugt, daß sie — du weißt, wen ich meine — ?»* [13, S. 300]. *«Hol sie doch schon endlich rauf, die Unku», bat Lieschen. Ich bin gespannt wie ein Regenschirm»* [15, S. 167].

В следующем примере повторное наименование подчеркивает личное местоимение, придает ему особый вес, выделяет именуемый объект из ряда других и противопоставляет им. Понятно, что расположение номинаций в таком случае контактное: *Ob die anderen die Prahlereien des Feiglins glaubten, wußte Gero nicht, aber beim Kühlen Betrachten ihrer Gesichter fand er, daß sie wohl alle Angst hatten. Er aber, Gero von der Duba, wollte nicht feige sein!* [13, S. 358].

В приведенном ниже примере употребление повтора наименования вызвано желанием автора избежать двусмысленности. Не будь уточнения повторной номинацией, мы бы не поняли, кто адъютант. Расположение номинаций здесь также только контактное: *Er blickte zur Seite und erkannte Oberleutnant von Bursien in Zivil. Mit ihm hatte er vor Jahren einen schweren Zusammenstoß gehabt, als er, Duba, noch Regimentsadjutant gewesen war* [13, S. 150].

Даже эти немногочисленные примеры, иллюстрирующие одну модель, показывают разнообразные возможности использования повторного наименования объекта в конструкции обособленного приложения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Г а к В. Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование. — В кн.: Вопросы французской филологии. Сб. трудов Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина. М., 1972, с. 123—136.
2. Г у д и м а М. А. Проблема приложения в молдавском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Кишинев, 1974. 25 с.
3. Г у л я е в а Э. А. Обособленные аппозитивные конструкции в современном французском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Киев, 1972. 29 с.
4. К а т а л и н а й т е Р. И. Приложение в синтаксисе французского языка IX—XVI веков. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Львов, 1974. 20 с.
5. К л ю ч к о в с к и й Б. Г. Аппозитивные конструкции в современном украинском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Львов, 1963. 19 с.
6. К р о т ь Д. Т. Обособленные члены предложений в языке произведений М. М. Коцюбинского. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Киев, 1966. 22 с.
7. Л е б е д е в а Ж. С. Интонационно-грамматический анализ структур приложения в современном английском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1965. 15 с.
8. О р л о в К. П. Приложение в соотношении с господствующим словом в современном русском литературном языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1961. 19 с.
9. С а в ц о в а М. П. Приложение и его роль в современном немецком языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Киев, 1955. 16 с.
10. С в и б л о в а Т. А. Обособленные члены предложения в современном немецком языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1966. 24 с.
11. Ц ы г а н е н к о Г. П. Приложение в современном русском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Харьков, 1954. 15 с.
12. K r ü s s J a m e s. Timm Thaler oder das verkaufte Lachen. Berlin, Der Kinderbuchverlag, s. a. 460 S.

13. R e n n L. Trini. Gesammelte Werke in Einzelausgaben. Bd 10. Berlin und Weimar, Aufbau-Verlag, 1970. 420 S.
14. R e n n L. Auf den Trümmern des Kaiserreichs. Berlin, Der Kinderbuchverlag, s. a. 360 S.
15. W e d d i n g A. Ede und Unku. Berlin, Der Kinderbuchverlag, 1974. 187 S.

О. В. СИДОРОВ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ТИПА BLAUÄUGIG, KRÄHENGESICHTIG, VIERECKIG

В современной немецкой научной, общественно-политической и художественной литературе часто встречаются сложные прилагательные, в основе образования которых лежит словосочетание, например: ein blauäugiger Mann; der Mann hat blaue Augen; eine zwölfklassige Schule; die Schule hat zwölf Klassen; ein katzengliedriges Mädchen; das Mädchen hat Glieder wie eine Katze.

Число таких словообразований относительно велико. Анализ словаря Матера показал, что 23,6% всех прилагательных с суффиксом -ig составляют адъективные композиты, образованные на базе словосочетаний [см. 3, с. 303]. Кроме того, приблизительно на 2 тыс. страниц текстов немецкой современной художественной литературы, использованной в качестве материала для исследования, приходится около 235 подобных образований. Данный словообразовательный тип является одним из продуктивных средств расширения словарного состава языка. На это, в частности, указывают М. Д. Степанова [см. 1, с. 232] и В. Флейшер [см. 2, с. 248]. Однако достаточно подробно этот вопрос в лингвистической литературе не освещался, вследствие чего представляется целесообразным определить в данной работе основные композитные структуры и установить специфику семантических отношений, служащих базой для образования прилагательных на основе словосочетаний. Это прилагательные типа blauäugig, kahlköpfig, blauschattig, rotwangig, rechtzeitig, dreischichtig, drittrangig, zwanzigjährig, einarmig, samtäugig, sternen-täugig, storchenbeinig, novemberrächtigt, grossflockig.

Суффикс -ig, широко используемый в современном немецком языке для образования имен прилагательных от различных частей речи: имен существительных (wütig, bärtig, fettig), имен прилагательных (stetig, emsig, niedrig), глаголов (schläfrig, gehörig, gläubig), наречий (dortig, baldig, gestrig), — в силу своих семантических возможностей оказался хорошо приспособленным для образования композитных структур на базе словосочетаний. В сфере семантики четко выступают два основных значения суффикса: наличия чего-либо и сравнения на основе внешнего или внутреннего сходства, например: weissbärtig — einen weissen Bart haben; feuchtwässrig — feucht wie Wasser; karpfenmäuliges Rohr — ein Rohr wie das Maul beim Karpfen. Значения суффикса -ig обуславливают возникновение двух типов связей между компонентами: отношения наличия и отноше-

ния сравнения. Рассматривая эти типы связей процессуально, можно установить возможности образования новых лексических единиц с вышеупомянутыми отношениями между компонентами, которые соответствуют определенным словообразовательным моделям.

В ходе исследования были выделены следующие модели: $A + S + ig$; $S + S + ig$; $Z + S + ig$, где A , S и Z — компоненты, выраженные прилагательным, существительным и числительным соответственно. При этом из всего количества взятых нами слов (235) отдельные типы представлены следующим образом (см. таблицу).

Композиты, образованные по данным моделям, относятся к сращениям, которые М. Д. Степанова определяет как образования на базе словосочетания

с взаимодействием словосложения и суффиксации [см. 1, с. 234]: blaues Auge + ig = blauäugig; feuchtes Grass + ig = feuchtgrasig; dünne Sohle + ig = dünnsohlig; zwei Fenster + ig = zweifenstrig.

Модель	Количество	Пример
$A + S + ig$	158	blauäugig
$S + S + ig$	56	storchenbeinig
$Z + S + ig$	10	siebzehnjährig

Что касается композитной структуры $S + S + ig$, то вряд ли представляется возможным отнести данный тип к сращениям, поскольку здесь словообразование происходило не на базе словосочетания, а от сложного слова, например: novemberrnächtig = Novembernacht + ig ; krähengesichtig = Krähengesicht + ig ; tintenklecksig = Tintenkleckse + ig .

Трансформационные модели, полученные от информантов (novemberrnächtig — eine Nacht wie im November; krähengesichtig — ein Gesicht wie bei einer Krähe; tintenklecksig — mit Klecksen von Tinte), в одном случае более подробно раскрывают семантику суффикса $-ig$, который, как указывает Флейшер [см. 4, с. 273], способствует выражению сравнения на основе внешнего или внутреннего сходства и является оппозицией суффикса $-en$, например: seidenes Kleid — Kleid aus Seide; seidiges Haar — Haar wie Seide. В другом случае трансформационная модель вскрывает семантическую структуру сложного существительного, послужившего базой для образования, и определитель которого выражает предмет сравнения (zigarettenfingrig, storchenbeinig, smaragdäugig) или обозначает признак, раскрывает, поясняет значение (tintenklecksig, filzhütig, hornhäutig), выражает отношение принадлежности (schäummmäulig (Schaum vor dem Maul haben), объект (blutdurstig, meerhungrig). Следовательно, в данном случае имеет место только суффиксация и прилагательные образованы не от словосочетания, а от сложного слова и, таким образом, относятся не к сращениям, а к производным прилагательным.

Здесь следует также обратить внимание на композиты типа kegel-förmig, vogelartig, planmässig, второй компонент которых семантически побледнел, оторвался от значения соответствующего слова,

превратился в продуктивный полусуффикс и широко используется при образовании новых слов: *keilförmig, herzförmig, blattartig, holzartig* и др.

Если исходить из структурного членения, возникает вопрос, употребляется ли второй компонент как самостоятельное слово или он существует только в составе данного сращения. Среди рассматриваемых прилагательных имеются как слова, второй компонент которых употребляется самостоятельно, так и слова с неупотребительным компонентом. Важную роль здесь играет степень переосмысления значения слова. Поэтому представляется возможным разделить данный тип сращения на две группы: свободные и идиоматические.

Свободные сращения существуют только как эквиваленты определенных сочетаний, их второй компонент является окказиональным образованием, например: *kurzzungig, dünnsohlig, grünschirmig*. В основе каждого деривата лежит конкретное словосочетание, причем вторые компоненты существуют только в составе сложных слов, т. е. самостоятельно не употребляются.

В случае, когда второй компонент существует как самостоятельная единица, следует, на наш взгляд, говорить об идиоматических сращениях, например: *frühzeitig, dünnstimmig, weissbärtig*.¹ Это сращения, которые также были образованы при помощи словосложения и суффиксации, но суффиксация здесь происходила по аналогии с уже существующим в языке словом.

План выражения, или структура, обуславливается в значительной степени планом содержания — смысловой структурой, вытекающей из лексического значения компонентов. Вследствие этого сочетаемость слов ограничивается их семантикой. Исследование компонентов в семантическом плане показало, что имя прилагательное, выступающее в качестве первого компонента, как правило, может иметь любое значение наименований цветов (*weiss, blau, rot*), размеров (*kurz, hoch, breit*), свойств и признаков (*weich, feucht, pass*).

Исходные основы второго компонента также представляют различные семантические группы. Это имена существительные неодушевленные, поскольку суффикс *-ig* в сложных словах этого типа имеет значение обладания чем-либо или наличия чего-либо, например: *kaltblutig — kaltes Blut haben; dickbäuchig — einen dicken Bauch haben*. Трудно было бы ожидать, что с помощью этого суффикса образовывались сращения от имен существительных одушевленных.

Второй компонент сложного прилагательного, как правило, германского происхождения и выражает жизненно необходимые понятия, которые связаны с непосредственно бытовым окружением человека. Например, в качестве основы для второго компонента берутся имена существительные, обозначающие: части человеческого тела или тела животных (*Zunge — kurzzungig; Flügel — schmalflügelig*); предметы окружающей среды (*Erde — nasserdig; Luft —*

weissluftig); отрезки времени (Zeit — frühzeitig; Jahr — minderjährig). В композитной структуре $Z + S + ig$ в роли второго компонента может выступать любое исчисляемое существительное, что объясняется спецификой семантических отношений между компонентами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М., Изд-во лит. на иностр. яз., 1953. 375 с.
2. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig. VEB Bibliographisches Institut, 1969. 326 S.
3. Kempter F. Adjektive mit einer Wortgruppe als Basis. — «Sprachpflege», 1970, № 10, S. 203—206.

Е. В. ТАРАСОВА, канд. филол. наук

ГРАММАТИКО-ЛЕКСИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАК ЕДИНИЦА СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АРЕАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Для современного периода развития языкознания характерен повышенный интерес со стороны исследователей к изучению функциональной стороны языка. Это находит отражение, в частности, в активизации исследований в области ареальной лингвистики. Особое внимание при этом уделяется рассмотрению языковых вариантов единого национального языка, анализу своеобразной лингвистической ситуации, возникающей, когда один и тот же язык в силу определенных исторических причин распределяет свои функции между несколькими нациями и государствами, имеющими свою собственную культуру и цивилизацию, науку и литературу. Такое положение наблюдается, как известно, с английским, испанским, немецким, арабским и некоторыми другими языками современного мира. «Даже сама констатация факта территориальных расхождений единого национального языка имеет бесспорное значение для науки и практики» [2, с. 79]. Тем не менее, определение языковых ареальных единиц во многом остается еще дискуссионным вопросом, что объясняется неразработанностью принципов классификации территориальных разновидностей единого языка. Поэтому теоретические поиски способов интерпретации и классификации региональных единиц выдвигаются сейчас на первый план среди ключевых задач общего языкознания. Вопрос о природе обобщенных форм, поднимающихся над уровнем диалектной вариантности, требует всестороннего рассмотрения на обширном фактическом материале. В любом случае путь к решению такой сложной проблемы, как определение статуса региональных разновидностей английского, немецкого, испанского и других языков, мы видим в скрупулезном сравнительном изучении языковых ареалов, тщательном выявлении черт сходства и различия, охватывающих основные уровни структуры языка при особом внимании к характеру пересечения отдельных микросистем в их взаимодействии.

Как следствие их автономного развития для большинства региональных разновидностей, выполняющих функции самостоятельных языков, характерны определенные специфические явления. Поэтому подход к изучению региональных микросистем должен быть не только социолингвистическим, но и собственно языковым. Об этом пишет, например, Р. Г. Пиотровский [см. 3, с. 36].

Мы считаем, что первостепенное значение для современного языкознания имеет выработка именно лингвистических критериев для разграничения таких понятий, как «национальный вариант» и «диалект», «национальный язык» и «ареальная подсистема» и других единиц.

По мнению большинства исследователей, типология лингвистических явлений непременно предполагает применение сопоставительного метода. Следует отметить, что методы сравнительного анализа различных региональных и других модификаций языка в настоящее время еще мало разработаны. Большинство исследований подобного рода сводится в основном лишь к описанию некоторых подходов к этой проблеме.

О некоторых аспектах сопоставительного изучения языковых вариантов упоминает Ч. Хокетт, который предлагает описание двух или нескольких вариантов посредством введения так называемого «общего ядра». Это понятие определяется автором как «сумма общих черт, разделяемых идиолектами», или как «сектор, где пересекаются две языковые микросистемы». Согласно Ч. Хокетту «общее ядро» содержит элементы, существенные для двух или более вариантов, и составляет их основу. С помощью «общего ядра» автор считает возможным подробно описать все общие и отличительные свойства сопоставляемых вариантов, при этом «общее ядро» рассматривается как совокупность одинаковых дискретных единиц [см. 5].

Подвергая критике идею «общего ядра» в своей работе [1], Э. А. Макаев указывает, что методы сравнительного анализа должны включать «не только структурное оформление единиц различных уровней и их сопоставление с аналогичными единицами одного или более вариантов, но, прежде всего, описание всего функционального разнообразия единиц в нескольких вариантах» [1, с. 80]. Исходя из этого, автор подчеркивает необходимость строго соблюдать функциональную идентичность сопоставляемых конститuentов, учитывая их принадлежность к одним и тем же уровням языковой системы для каждого из описываемых вариантов. Очень важно также и место, занимаемое данной единицей в каждой из подсистем. Ч. Хокетт высказывает точку зрения о том, что наличие ряда общих элементов в различных региональных вариантах не только в лексике, но и в морфологии, делает анализ, основанный на принципе «общего ядра» плодотворным с точки зрения типологической грамматики. В оценке этого положения мы склонны присоединиться к точке зрения Э. А. Макаева, который сомневается в эффективности описания языковых подсистем посредством «общего ядра», тем более, что само это понятие остается еще в значительной степени неопределенным

и несвободным от противоречий. И самым очевидным из них, по мнению Э. А. Макаева, является то, что всякий язык проявляется, прежде всего, как функциональная категория. Поэтому при сопоставлении различных модификаций и вариантов в рамках одного и того же национального языка нас интересуют не столько изменения структурного состава элементов, сколько различия в характере их функционирования, их устойчивость и распространение. А «общее ядро», как Ч. Хокетт его представляет, выступает по отношению к двум или более языковым подсистемам как инвариант, который в настоящее время определяется как «константа, не подвергающаяся изменениям и остающаяся равной себе при различных трансформациях и замещениях» [1, с. 7].

Несмотря на то что некоторые аспекты лингвистических процессов в пределах региональных разновидностей языков, какими являются английский, испанский, немецкий и другие, уже подвергались исследованию, многое в этой области еще остается неизученным. Общим недостатком существующих по этому вопросу работ является то, что они ограничиваются обычно анализом лишь фонетических и лексических данных при весьма незначительном количестве грамматических наблюдений. Такой подход к изучению региональной вариативности без учета грамматической стороны явлений не кажется нам убедительным с научной точки зрения. Мы придерживаемся мнения Р. Фасолда, который в одной из своих работ подчеркивает большую социальную значимость грамматической вариативности по сравнению с фонологической [см. 6, с. 561].

Однако сам по себе сопоставительный анализ одних лишь грамматических форм также представляется ограниченным. Более полную картину функционирования и взаимопроникновения региональных подсистем может дать тщательное изучение связей и взаимодействия в речи грамматического уровня с лексическим и лексико-грамматическим уровнями языковой структуры.

В этой связи нам кажется уместным упомянуть об особом статистико-комбинаторном понимании типологии. Такой подход предусматривает два основных типа структурных различий, выявляющихся при сопоставлении перекрещивающихся и взаимодействующих территориальных разновидностей: инвентарные и дистрибутивные. Первые касаются самого инвентаря изучаемых языковых единиц, вторые — различий в их распределении и частоте использования в данных ареалах. При этом важно иметь в виду, что сопоставление языковых подсистем, как правило, выявляет существенные количественные расхождения между ними, то есть различный удельный вес тех или иных явлений в рассматриваемых вариантах, различную частотность их употребления. Такие количественные соотношения, характерные для некоторых языков и их подсистем, кажущиеся на первый взгляд случайными, в действительности имеют стабильный характер. Применительно к ареальным исследованиям это означает, что количественные параметры, как более глубинные, связаны с определенными качественными характери-

ками, определяющими своеобразие ареальных разновидностей языка. Располагая достаточно репрезентативными данными в этом плане, ученые могли бы приступить к определению четких лингвистических критериев для решения вопроса о самостоятельности той или иной территориальной разновидности национального языка. Такие данные о характере региональной вариативности языка можно получить, если иметь в своем распоряжении удобную единицу сопоставительного ареального анализа, некоторую константу, которая могла бы претендовать на общезыковую универсальную значимость. В качестве такой единицы, как нам кажется, целесообразно использовать грамматико-лексическое поле (ГЛП).

Теория поля и полевые исследования завоевали в последние годы большую популярность. Не без основания считается, что применение грамматико-лексических полей (определяемых в современном языкознании как сложная совокупность взаимодействующих языковых элементов, объединенных общностью семантики и функции) представляет дополнительную возможность более глубокого теоретического анализа практически всех существующих грамматических категорий. С помощью полевой методики представляется возможным также наиболее четко очертить круг взаимосвязанных явлений, определить диапазоны их распространения и варьирования.

Кроме того, по мнению исследователей, в идее поля получает плодотворное развитие проблема взаимодействия языковых уровней, переплетения лексических и грамматических значений при передаче данного понятия. Использование грамматико-лексического поля в качестве единицы ареального сопоставительного анализа представляется плодотворным именно потому, что непременно предполагает включение в его состав иерархически неоднородных компонентов, что дает возможность расширить границы исследования за пределы «форм, определяемых парадигматическим набором» [4, с. 13].

Рассматривая поле как объект ареального сопоставления, мы исходим из определения его как совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих языковых средств (грамматических, лексико-грамматических, лексических и фонетических), служащих для выражения некоторого абстрактного понятия и обладающих определенной качественной и количественной характеристикой. Дело в том, что конститuentы, образующие структуру поля, неоднородны по степени своей устойчивости и функциональной значимости в различных подсистемах языка. Поэтому именно количественная характеристика в качестве важнейшего атрибута, отличающего поле от других лингвистических категорий, и предопределяет использование ГЛП в роли единицы сопоставительного анализа в ареальных исследованиях.

Такая методика дает возможность сосредоточить внимание на чертах сходства и различия в региональном использовании одних и тех же единиц. Полевой подход помогает более полно оценить сте-

пень удаленности отдельных ареалов от их языка-основы, а также сравнить подсистемы в синхронном срезе. Кроме того, наличие количественных закономерностей внутри поля позволяет, во-первых, построить графическое изображение данного явления или группы явлений, во-вторых, создать так называемую матричную модель, которая делает возможным обработку количественных данных с помощью ЭВМ (на основе такой матрицы готовится программа для машины). Преимуществом этого метода является также возможность по уже готовой программе анализировать особенности ареального употребления других, аналогичных по структуре полей.

Нам кажется, что применение ГЛП для изучения региональной языковой вариативности, позволяющее использовать ЭВМ с привлечением статистико-вероятностных методов изучения и обработки обширного фактического материала, открывает широкие возможности для ареального исследования языка. Оно позволяет обнаружить ряд особенностей, свидетельствующих как о параллельном развитии вариантов, так и сохранении ими некоторых черт внутреннего своеобразия. Полученные таким образом описания дают, на наш взгляд, исчерпывающее представление о возможных сходных и различительных характеристиках подсистем, а также могут подсказать возможные объяснения наблюдаемых явлений.

Мы отдаем себе отчет в том, что изучение грамматико-лексических полей в их региональном употреблении — лишь частный аспект исследования проблемы вариативности языка. Однако глубокое сопоставительное изучение природы языка в его «пространственной проекции» с применением полевой методики, охватывающей максимально широкий круг лингвистических вопросов и явлений, представляется для будущего весьма ценным и многообещающим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макаев Э. А. Современное состояние общего языкознания и соотношение сравнительно-сопоставительной и типологической грамматики. — В кн.: Теоретические проблемы современного языкознания. М., 1964, с. 3—11.
2. Орлов Г. А. Нужная книга. — «Иностр. языки в школе», 1973, № 5, с. 79—80.
3. Пиотровский Р. Г. Лингвистические оценки расхождения близкородственных языков. — «Вопросы языкознания», 1973, № 5, с. 26—37.
4. Шендельс Е. И. О грамматико-лексическом подходе к языку. — В кн.: Лингвистика и методика в высшей школе. М., изд. МГПИИЯ, 1970, с. 36—45.
5. Hockett C. A course in modern linguistics. N. Y., 1959. 128 p.
6. Fasold R. W. Two models of socially significant linguistic variation. — «Language», 1970, vol. 46, No3, p. 560—569.